

дальнее шествіе твое по невѣдомому пути пріими отъ насъ въ даръ наши молитвы о грѣхахъ твоихъ, но не забывай и самъ насъ въ молитвахъ своихъ.

Благословенъ путь твой къ престолу Всевышняго, благословенъ грядый во имя Господне! Аминь.

Свящ. II. Рождественскій.

II) Статьи и сообщенія.

Юрьевскій архимандритъ Фотій.

Личность юрьевского архимандрита Фотія служила и служить своего рода историческою загадкою, которую разгадывали различнымъ и иногда совершенно противоположнымъ образомъ: одни считали его человѣкомъ святымъ и угодникомъ Божиимъ, другіе—лицемѣромъ, ханжею, фанатикомъ; одни благоговѣли предъ нимъ, другіе глумились. Общимъ въ этихъ противоположныхъ мнѣніяхъ о личности Фотія является то, что какъ защитники, такъ и враги Фотія признавали его человѣкомъ далеко не зауряднымъ, высоко поднимавшимся надъ обыкновенною средою, человѣкомъ крайности, а никакъ не середины. Таковымъ дѣйствительно Фотій и былъ: ни по своему происхожденію, ни по обстоятельствамъ всей своей жизни, ни по характеру своей дѣятельности Фотій никогда не принадлежалъ къ „золотой срединѣ“: онъ былъ человѣкомъ крайностей. Вопросъ сводится къ тому, какъ развивалась эта крайность и каковъ былъ ея нравственный характеръ.

I.

Непривѣтливо, сурово встрѣтилъ міръ родившагося на свѣтъ Божій Фотія: онъ родился въ хлѣвѣ на соломѣ. Сюда удалась его мать Евфимія изъ дома, гдѣ въ это время лежало тѣло только что умершаго дѣда его, отставного чтеца Θεодора, и домъ былъ наполненъ сѣтующими по покойномъ родственниками.

„Родился онъ въ Тесовѣ, въ Спасскомъ погостѣ, новгородскаго уѣзда“ ¹⁾ 7 іюня 1792 года; отецъ его, Никита, былъ чтецомъ при церкви этого погоста; родившагося младенца нарекли Петромъ ²⁾. Семейство Никиты было многочисленно: Петръ былъ уже третьимъ младенцемъ; кромѣ того въ семействѣ Никиты жили: его мать Екатерина (больная, не владѣвшая пальцами), бабушка (около 100 лѣтъ) Татьяна и сестры дѣвицы: Татьяна, Марья, Ирина.

Сурова была жизнь Петра, начиная съ самаго перваго, самаго нѣжнаго дѣтства; бѣдность, лишеніе и недостаточность средствъ начались для Петра съ началомъ его жизни. Чтецъ Никита могъ содержать семейство лишь съ большимъ трудомъ, да и то въ крайней бѣдности: отъ церкви доходу было мало, приходъ былъ малъ и бѣденъ, земли тоже было мало ³⁾. Естественно, что суровая жизнь, тяжелая и упорная борьба изъ за куска хлѣба развила въ Никитѣ столь же суровый характеръ; кромѣ того Никита отличался еще слабостью къ спиртнымъ напиткамъ ⁴⁾. Послѣ этого характеръ отношеній Никиты къ своему сыну понятенъ самъ собою. Первое время, хотя и очень не долго, суровое отношеніе отца парализовалось нѣжнымъ и любящимъ, чисто материнскимъ обращеніемъ родной матери Петра—Евфиміи. Это была женщина слабая и болѣзненная по своему здоровью, но въ высшей степени любящая и нѣжная мать. Насколько дорога была для Петра его мать, насколько дорога была для него ея любовь,—это видно изъ того, что воспоминаніе объ ней смягчало суровую душу Фотія во всю его жизнь, было его лучшимъ и драгоцѣннѣйшимъ воспоминаніемъ. На четвертомъ году жизни Петра его мать умерла, благословивъ его предъ смертью образомъ Знаменія Богородицы. Но любовь къ ней Петра не умерла съ нею: „чувства въ немъ глубокія остались по смерти матери къ ней, такъ что не могъ забыть никогда несказанные для него ея знаки матернія нѣжности, любви сладостны... во всю жизнь свою отъ смерти матери своея доселѣ не могъ забыть любви къ себѣ матернія... едина память о любви матери, родшей его, исторгала токи слезъ изъ очей его, и блаженными считалъ онъ всѣхъ чадъ, имѣющихъ въ живыхъ мать“ ⁵⁾. Со смертью матери прекратился для Петра тотъ ис-

¹⁾ Автобіогр. Фотія въ „Русск. Стар.“ 1895 г. Март. 183.

²⁾ „Русск. Стар.“ 1894 г. Мартъ, 148.

³⁾ Ibid. 159.

⁴⁾ „Р. С.“ Апрель, 109.

⁵⁾ „Р. С.“ Мартъ, 154.

точникъ любви и нѣжности, который могъ бы смягчающе дѣйствовать на его душу: теперь жизнь получила для Петра еще большій характеръ суровости и строгости, ничѣмъ не умѣряемой и не смягчаемой.

Никита, по смерти жены, остался 25 лѣтъ отъ роду; онъ рѣшилъ жениться во второй разъ и для этого снялъ съ себя санъ діакона (въ который онъ былъ посвященъ вскорѣ послѣ рожденія Петра), и былъ оставленъ при прежней церкви въ своемъ первоначальномъ званіи чтеца. Само собою понятно, что мачиха не могла относиться къ пасынкамъ, какъ къ роднымъ дѣтямъ, не могла замѣнить для нихъ родной матери. Для пасынковъ у мачихи не нашлось не только любви или ласки, но даже состраданія и правдивости: когда для Петра наступило время обученія грамотѣ и его отцу случалось отлучаться куда либо изъ дому, то слѣдить за занятіями Петра Никита поручалъ своей второй женѣ; а эта, сама безграмотная хотя и не могла, конечно, слѣдить за занятіями, но по пріѣздѣ Никиты докладывала о нерадивости отношенія его сыновей (вмѣстѣ съ Петромъ обучался грамотѣ и его меньшій братъ Евфимій) къ дѣлу, разгнѣванный отецъ приносилъ лозы, бралъ часословъ, и заставлялъ читать урокъ; трепещущій и плачущій отъ страха, Петръ заикался и сбивался, слезы застилали глаза и мѣшали разбирать буквы, за что разсвирѣпѣвшій отецъ подвергалъ его жестокимъ наказаніямъ; разъ онъ прибилъ Петра до полусмерти³⁾, и только благодаря вмѣшательству тетки Марьи, дѣло кончилось этимъ, а не чѣмъ-либо худшимъ.

II.

Петру пошелъ десятый годъ. Періодъ домашняго обученія окончился: Петръ прекрасно выучился грамотѣ, такъ что даже помогать отцу читать въ церкви. Пришла пора думать о дальнѣйшемъ образованіи Петра, о выборѣ ученія и училища. Выборомъ этимъ руководило одно обстоятельство: Никита былъ бѣденъ и содержать Петра не могъ; слѣдовательно надо было опредѣлить Петра туда, гдѣ бы его содержаніе обходилось возможно дешевле. И вотъ Петра опредѣлили въ Петербургъ, въ хоръ пѣвчихъ Казанскаго собора. Теперь для Петра настала жизнь еще суровѣе, еще непригляднѣе, чѣмъ жизнь дома. Учитель былъ грубый и невѣжественный; поэтому не было ни хо-

³⁾ Ibid. 157—158.

рошаго ученія: ни надсмотръ надъ учениками; пѣвчіе жили безъ всякаго присмотра, а потому вели жизнь въ высшей степени неприглядную; обращеніе старшихъ съ младшими было жестокое до безчеловѣчности; обучавшій Петра старшій пѣвчій говорилъ ему: „убью до смерти, если не будешь скоро понимать“. Болѣзненный и слабый, но въ то же время въ высшей степени впечатлительный, Петръ отъ такой жизни вскорѣ заболѣлъ кровохарканьемъ, болью въ груди и общею слабостью. Родные не видѣли и не посѣщали въ его въ Петербургѣ; объ отцѣ онъ даже и слуху не имѣлъ, живъ ли онъ. Въ Петровскій постъ посѣтила его тетка Татьяна и, больного взяла на свои руки, чтобы отправить домой для выздоровленія ⁷⁾. Петръ упросилъ своего отца не отправлять его болѣе въ хоръ.

III.

Въ Филипповъ постъ этого же 1802 г. Петръ былъ отведенъ своимъ отцемъ въ Новгородъ, въ семинарію: ректоръ семинаріи, по ходатайству гг. Чеглоковыхъ, обѣщалъ принять его учиться. Въ январѣ слѣдующаго 1803 г. Петръ былъ зачисленъ въ число учениковъ семинаріи. По тогдашнему обычаю начальство рѣшило дать ему фамилію. Хотѣли было сначала назвать его „Недремскимъ“ (такъ какъ онъ имѣлъ „не дремлющій видъ“), но по настоянію инспектора назвали „Спасскимъ“, въ силу тѣхъ соображеній, что онъ родился при церкви Преображенія, былъ сынъ чтеца погоста Спасскаго, и что онъ долженъ заботиться о своемъ спасеніи.

Въ семинаріи Петръ началъ обученіе съ чистописанія и латинскаго языка.—Жизнь въ семинаріи, въ сравненіи съ жизнью въ хорѣ казанскихъ пѣвчихъ, была несравненно лучше: здѣсь уже не было тѣхъ безобразій и безпорядковъ, какіе царили тамъ; не было никакихъ соблазновъ, царилъ строгая дисциплина и безусловный порядокъ, но жизнь была попрежнему скудна и сурова: „съ голодомъ ему часто случалось бороться“ ⁸⁾. Усердіе въ занятіяхъ (Петръ всегда былъ первымъ ученикомъ) и прекрасный голосъ доставили Петру казенное содержаніе; отъ родителей же онъ ничего не получалъ. Про свою семинарскую жизнь онъ такъ говорилъ: „не былъ нагъ, но въ крайней скудости жилъ“: скудость доходила до того, что съ голоду при-

⁷⁾ Ibid. 159—161.

⁸⁾ Апрель, 99—101.

ходилося питаться желудями сырыми или печеными⁹⁾. Да и вообще вся семинарская жизнь была бѣдная и скудная, строгая и суровая, съ теперешней точки зрѣнія прямо невозможная, Келью Петру, какъ бѣдняку, дали самую худшую, въ которой ему приходилось терпѣть не только холодъ, но и зловоніе, но за то эта келья была уединенна и безмолвна, что такъ гармонировало съ общимъ душевнымъ складомъ Петра и вполне отвѣчало его внутреннимъ стремленіямъ. Холодъ приходилось терпѣть не только въ кельи: классовъ не топили. За поведеніемъ учениковъ слѣдили въ высшей степени строго: „тѣнь волнодумства, вольномыслія, поблажка къ неблагоговарію, неблагоговѣніе не была терпима“; за всякій проступокъ подвергали тѣлесному наказанію, иногда довольно жестокому; всякія мірскія, недуховныя игры и забавы (какъ-то на примѣръ шашки) безусловно запрещались; книги для чтенія давались лишь начальствомъ и то только духовныя; всякія другія запрещались¹⁰⁾. Однимъ словомъ, такъ какъ семинарія помѣщалась въ монастырѣ (Антоніевомъ), начальниками и большинство изъ преподавателей были монахи, то всѣ заботы направлялись къ тому, чтобъ строй семинарской жизни какъ можно болѣе приблизить къ жизни монашеской, ввѣдрить въ воспитанниковъ аскетизмъ и расположеніе къ монашеству. По отношенію къ Петру всѣ эти цѣли достигались какъ нельзя болѣе, ибо онъ вполне отвѣчалъ успѣвшимъ значительно опредѣлиться внутреннимъ склонностямъ его души. Суровая семинарская жизнь для Петра вовсе не была такою, ибо онъ смотрѣлъ на нее съ совершенно другой точки зрѣнія: лучшаго, чѣмъ семинарія, мѣста для спасенія нигдѣ онъ не могъ видѣть въ мірѣ, и въ этомъ отношеніи „житіе въ семинаріи было такъ ему во спасеніе, какъ свѣтъ луны среди ночи въ пути“¹¹⁾. Особенно глубокое впечатлѣніе производилъ на Петра храмъ преподобнаго Антонія: „храмъ сей былъ для меня то святое мѣсто древности и благочестія, гдѣ я, входя, чувствовалъ себя внѣ міра самаго“¹²⁾; поэтому за періодъ пребыванія Петра въ семинаріи, „время отъ времени ревность спастися и любовь къ монашеству у него возрастала“¹³⁾. А внутреннее расположеніе и склонность къ монашеству сказались у Петра въ высшей степени рано.

⁹⁾ Ibid. 104.

¹⁰⁾ Ibid. 114—117.

¹¹⁾ Ibid. 113.

¹²⁾ Ibid. 117.

¹³⁾ Ibid. 113.

Со смертью родной матери для Петра, можно сказать, порвалась та нить, которая связывала его съ міромъ. Натура у мальчика была горячая и въ высшей степени впечатлительная и воспріимчивая: она требовала и жаждала теплаго, искренняго, нѣжнаго къ себѣ отношенія; на такое отношеніе мальчикъ откликался всеѣмъ своимъ существомъ, всею душою, вотъ за что и вотъ почему онъ такъ глубоко и сильно привязался и къ своей матери: мать любила его такою горячею материнскою любовью, какой требовала горячая, страстная натура мальчика, въ какой онъ находилъ удовлетвореніе. Но вотъ мать умерла; мальчику не съ кѣмъ стало больше дѣлиться горячностью своего сердца, насколько способнаго по природѣ горячо полюбить, настолько же требующаго и къ себѣ горячей любви: къ отцу и мачихѣ сердце мальчика не лежало: въ нихъ оно не только не встрѣчало отклика на свои требованія, но, даже хуже, находило прямое отрицаніе этихъ требованій. Смерть матери была для Петра потерей, ничѣмъ не вознаграждимою, и на дальнѣйшее развитіе его душевнаго склада оказала роковое вліяніе. Всю невоснаградимость потери родной матери вполне понималъ и сознавалъ Фотій, когда уже при склонѣ своей жизни засвидѣтельствовалъ: *„блаженными считалъ онъ всѣхъ чадъ имѣющихъ въ живыхъ матеръ“*. Но этого блаженства Петръ лишился на четвертомъ году своей жизни. Само собою понятно, что вся горячность натуры Петра, весь жаръ его сердца не могли уже находить себѣ исхода и отклика; и вотъ Петру ничего уже болѣе не оставалось, какъ уйти въ самого себя, въ свой внутренній міръ, заключиться, такъ сказать, въ свою раковину, никуда изъ нея не выходить и никого въ нее не пускать, жить самимъ собою, своимъ внутреннимъ міромъ, жить своими чувствами безъ сочувствія, своими мыслями безъ отклика. Такимъ образомъ въ характерѣ Петра необходимо должна была развиться черта отчужденія отъ людей, нелюдимости, скрытности, сосредоточенности въ самомъ себѣ, самозамкнутости. Не встрѣтивъ сочувствія и отклика на свои самыя глубочайшія стремленія души и сердца въ отцѣ и мачихѣ, — именно въ тѣхъ лицахъ, ближе которыхъ для человѣка уже и быть никого не можетъ, Петръ — конечно, не сознательно, а вполне безсознательно — пришелъ къ тому исходу, что нечего, значить, и искать себѣ сочувствія и отклика въ людяхъ, нечего вообще ждать отъ міра, ничего онъ не дастъ для сердца. А разъ люди и міръ отвергнуты, сердце Петра необходимо должно было обратиться къ Богу и религіи, и въ эту область перенести всю свою горячность, всю свою страстность, составлявшую огра-

ниченность, односторонность Петра, но вмѣстѣ съ тѣмъ — и его силу, такъ какъ сила человѣка, какъ утверждаютъ многіе, зависитъ именно отъ его односторонности и опредѣленности.

Итакъ, Петръ всѣ стремленія своей души, всю горячность своего сердца, всю страстность своей натуры перенесъ изъ области міра и житейскихъ отношеній въ область религіи, — и нашелъ здѣсь себѣ полнѣйшее удовлетвореніе: какъ не широки были стремленія Петра, — религія открывала предъ его умственнымъ взоромъ горизонты еще болѣе широкіе, еще болѣе возвышенные и благородные; какъ ни сильны, какъ ни страстны были порывы Петра къ любви и счастью, — религія предлагала Петру такой Предметъ для его любви и открывала такое счастье въ этой любви, что не только не ослабляла, а напротивъ того — еще усиливала, еще обостряла эти стремленія, эти порывы. Такъ дорогой и такъ близкій сердцу всякаго истинно-русскаго благочестиваго человѣка идеаль подвижника-аскета, отшельника и пустытника, отрекшагося отъ міра, живущаго въ постѣ, молитвѣ и иноческихъ трудахъ; — идеаль, очаровавшій и увлекшій дорогу могучую и страстную личность въ исторіи русской церкви — патріарха Никона, — этотъ идеаль сдѣлался близокъ и родственъ сердцу Петра, съ самаго ранняго дѣтства при этомъ ознакомившагося съ нимъ въ школѣ чрезъ чтеніе прологовъ, четъ-миней и вообще повѣствованій о житіи и трудахъ святыхъ; онъ сталъ предноситься его живому и пылкому воображенію, очаровалъ и увлекъ Петра: въ немъ возбудилось столь же твердое и столь же страстное желаніе быть монахомъ-аскетомъ, какъ былъ твердъ и страстенъ весь его характеръ. Это желаніе еще болѣе укрѣпилось въ немъ, когда ему пришлось встрѣтиться съ нѣкоторыми монахами, которые ему казались носившими, воплотившими въ себѣ этотъ идеаль монашества. Въ раннемъ дѣтствѣ, вскорѣ по смерти матери, Петръ увидѣлъ монаха-постника Теофана, и онъ произвелъ на него очень сильное и благопріятное впечатлѣніе; состоя пѣвчимъ въ Казанскомъ соборѣ, Петръ въ великій четвергъ увидѣлъ въ алтарѣ двухъ схимниковъ, которые такъ поразили его своимъ видомъ, что онъ принялъ ихъ за двухъ ангеловъ ¹⁴⁾; когда, въ бытность Петра уже въ семинаріи, онъ увидѣлъ въ Антоніевомъ монастырѣ молчальника старца Патермуфія, то этотъ старецъ такъ поразилъ Петра своимъ „свято-лѣпнымъ“ видомъ, что Петръ рѣшилъ и самому подвизаться въ этомъ подвигѣ ¹⁵⁾; увидѣвъ въ этомъ же монастырѣ тайную мо-

¹⁴⁾ Мартъ, 162, 163.

¹⁵⁾ Апрѣль, 120.

литвенную келію преподобнаго Антонія, Петръ рѣшилъ и самому устроить такую же, когда приметъ монашество¹⁶⁾. Эти образцы и образы монашеской жизни и подвижничества укрѣпляли и ободряли Петра и онъ пришелъ къ рѣшенію идти въ монастырь и принять монашество, тѣмъ болѣе что расположеніе къ отшельничеству носилъ въ своей души еще съ самаго дѣтства. На шестомъ году его жизни тетка Марія предложила ему однажды вопросъ, чѣмъ бы онъ хотѣлъ быть; Петръ отвѣтилъ вопросомъ: а какъ лучше спастись? Марья сказала, что для этого всего лучше идти въ монахи. Возвратившись домой послѣ невозможной жизни въ хорѣ казанскихъ пѣвчихъ, Петръ слабый и больной, просилъ отца не отдавать его больше въ число этихъ пѣвчихъ, а отдать „въ наученіе туда, откуда люди въ святой монашескій санъ поступаютъ, Бога научаются познавать, жить праведно, и рай получить“¹⁷⁾.

Какъ естественно и постепенно образовывалось и зрѣло въ душѣ Петра рѣшеніе принять монашество и идти для своего спасенія въ монастырь, такъ же естественно и такъ же постепенно Петръ приготавлился и къ монашеской жизни со всѣми ея лишеніями и трудностями: параллельно съ развитіемъ рѣшенія быть монахомъ развивалась и крѣпла въ немъ сила воли, безспорно необходимая для осуществленія на дѣлѣ подвиговъ иноческихъ. Школой для воли Петра была вся его жизнь—и въ семинаріи, и дома, на вакаціяхъ. Про сурово-монашескій строй семинарской жизни тогдашняго времени мы уже говорили выше. Но и домашняя жизнь не давала Петру никакого облегченія, никакого послабленія: суровость и трудность домашней жизни если не превосходила суровости жизни семинарской, то ужъ во всякомъ разѣ несколько и ни въ чемъ ей не уступала. Бѣдность, можно сказать, *нищета* жизни заставляла Никиту заниматься рѣшительно всѣми крестьянскими работами: онъ оралъ, косилъ, жалъ, рубилъ лѣсъ, возилъ его на продажу и т. п. Понятно, что и Петру при этихъ работахъ отца не приходилось сидѣть, сложа руки,—и вотъ прибывши изъ семинаріи домой, Петръ принимался за тѣ же самыя черныя работы, надъ которыми потѣлъ и его отецъ, и становился отцу посильнымъ помощникомъ. Еще до восхода солнца Петръ вмѣстѣ съ своимъ отцемъ и братомъ Евфиміемъ отправлялся или въ лѣсъ, или на поле, или на лугъ: онъ оралъ, косилъ, жалъ; а домой приходилось возвращаться

¹⁶⁾ Ibid. 119.

¹⁷⁾ Мартъ, 161.

часто около полуночи¹⁸⁾; согнутое положеніе тѣла при жатвѣ въ продолженіе цѣлаго дня подъ жгучими, палящими лучами іюльскаго солнца, при общей слабости, болѣзненности организма Петра, — все это, взятое вмѣстѣ, часто доводило Петра до полного изнеможенія: совершенно выбившись изъ силъ, онъ иногда почти замертво падалъ на нивѣ. Кромѣ этихъ работъ, Петръ еще „свиней, телятъ не рѣдко пасъ; овцы отца своего стригъ; въ жерновахъ мололъ, своими руками огороды пололъ, хлѣбъ убиралъ, на гумнѣ молотилъ“. Но на эту, какъ видимъ, очень трудную и тяжелую жизнь Петръ и не думалъ жаловаться или роптать: онъ смотрѣлъ на нее не съ точки зрѣнія ея трудности, а какъ на прекрасный путь ко спасенію: „трудъ не по силамъ его съ юности тяжекъ былъ въ мірѣ, но онъ трудность представлялъ нужною къ спасенію своему“. „Труды тяжкіе спасаютъ насъ отъ праздности, — матери всѣхъ пороковъ; бѣдность — отъ разврата, а худородіе — отъ упованія на міръ“¹⁹⁾.

Итакъ, жизнь Петра была настолько трудна и сурова, что надо только удивляться, какъ она не сломила его, какъ онъ вынесъ ее, обладая крайне слабою физическою организаціей. Очевидное дѣло, — натура Петра была не изъ заурядныхъ: необыкновенная сила воли, страстность его характера и нервозность натуры одержали блистательную побѣду надъ всѣми препятствіями и трудностями; могучій духъ безусловно властвовалъ надъ слабымъ тѣломъ, мощь перваго уравнивала немощность послѣдняго; такъ что всѣ затрудненія и препятствія не только не ослабляли Петра, а совсѣмъ напротивъ того, чрезъ борьбу и побѣду надъ ними воля Петра крѣпла и самъ онъ мужалъ.

Такъ тяжкій млатъ,
Дробя стекло, куетъ булатъ.

Желѣзная, необычайно-могучая сила воли, какую Петръ обнаружилъ въ свои молодые юношескіе годы, особенно рельефно выразилась въ той борьбѣ съ плотскими искушеніями, какую Петру пришлось выдержать въ это время²⁰⁾. Нельзя не удивляться, нельзя не склониться даже предъ тою непреклонною, можно сказать, нечеловѣчески-упорною волею, какую Петръ здѣсь обнаружилъ; это была дѣйствительно желѣзная воля; для такой

¹⁸⁾ Апрель, 102, 103.

¹⁹⁾ Ibid, 121, 122.

²⁰⁾ Ibid. 108, 109.

воли нѣтъ ничего не достижимаго, ибо нѣтъ ничего непреодолимаго; такого человека никакой изъ монашескихъ подвиговъ не можетъ утратить, ибо трудности монашеской жизни, въ сравненіи съ тѣми, какія Петру пришлось одолѣть въ это время, время юношескихъ плотскихъ искушеній, при впечатлительно-страстной его природѣ, и пылкомъ воображеніи, трудности несравнимо легчайшія. Но мы не рѣшаемся входить во всѣ перипетіи этой борьбы (предоставляя восполнить этотъ пробѣлъ воображенію читателя) не по недостатку матеріала, а просто потому, что это увлекло бы насъ въ крайне частныя второстепенныя біографическія подробности, не имѣющія существенно-важнаго значенія для общей характеристики личности архимандрита Фотія.

Чтобъ заключить описаніе времяпребыванія Петра въ семинаріи, надо сказать еще нѣсколько словъ объ отношеніи къ нему товарищей.

Зараньше можно догадываться, каковы были эти отношенія. Погруженный въ самого себя и въ свое дѣло, въ высшей степени серьезный и сосредоточенный, не только не принимавшій участія въ дѣтскихъ и юношескихъ шалостяхъ и играхъ товарищей, но и осуждавшій ихъ и предпочитавшій всему свою уединенную и молчаливую келію. Петръ Спасскій, конечно, не могъ пріобрѣсть симпатій и расположеній товарищей. Его нелюдимость отталкивала отъ него его товарищей; его скрытность, замкнутость и отчужденность могли содѣйствовать развитію репутаціи объ немъ, какъ о ханжѣ, какъ о гордомъ, заносчивомъ человѣкѣ, съ презрѣніемъ относящемся ко всѣмъ другимъ, считающимъ всѣхъ ниже себя, неспособными понять его, а потому и не заслуживающими съ его стороны вниманія. Отсюда легко можно видѣть, какъ въ товарищахъ Петра, особенно въ тѣхъ, направленіе которыхъ было совершенно противоположно монашескому направленію Петра, могли развиться по отношенію къ этому послѣднему не только недоброжелательство, но чувства худшія. Въ его автобіографіи есть разсказъ ²¹⁾, какъ однажды въ зимнее время, отправляясь домой, Петръ услыхалъ за собою звавшій его голосъ; обернувшись, онъ увидѣлъ „бѣжавшаго въ слѣдъ за собою въ платьѣ какомъ-то одѣтаго человека, закрытаго лицомъ, который съ дубиною великою въ слѣдъ бѣжалъ“. Неизвѣстно, что случилось бы, если бы Петру не удалось спастись бѣгствомъ. — За то другіе товарищи, общее направленіе ко-

²¹⁾ Ibid. 105.

торыхъ соотвѣтствовало направленію Петра, безусловно повиновались этому послѣднему и подчинялись его авторитету. Такъ, въ бытность въ семинаріи, Петръ съ двумя равными юношами рѣшилъ „убѣжать изъ семинаріи тайно въ гору, называемую Курскую, въ пещерѣ тамъ вселиться“. Былъ назначенъ для этого и день—24 іюня. Вотъ всѣ они трое вышли за городъ и сѣли на полѣ ожидать ночи, чтобъ подъ ея покровомъ лучше и незамѣтно можно было привести въ исполненіе свой планъ. Но они потерпѣли неудачу: ихъ встрѣтилъ одинъ старецъ, который принялъ ихъ за бѣглыхъ дѣтей и хотѣлъ связать и представить по начальству; тѣ въ испугѣ бросились бѣжать обратно въ городъ. „Тако начальному пути спасенія дѣтскаго было препятствіе свыше отъ Бога дивно устроено“; Петръ послѣ этого рѣшилъ поступить въ монастырь не раньше окончанія ученія ²²⁾).

При окончаніи Петромъ семинаріи послѣдовалъ вызовъ изъ этой семинаріи лучшихъ и достойнѣйшихъ учениковъ въ петербургскую духовную академію; выборъ начальства палъ на Петра Спасскаго. Съѣздивъ за благословеніемъ къ отцу, онъ 11 августа 1814 г. отправился въ Петербургъ ²³⁾).

IV

Ректоромъ петербургской академіи въ то время былъ знаменитый Филаретъ (Дроздовъ), впоследствии митрополитъ московскій. Онъ читалъ въ академіи св. Писаніе въ высшей степени интересно и увлекательно. Про него Фотій говорилъ: „сила, красота, достоинство и слава духовной академіи былъ одинъ Филаретъ“ ²⁴⁾).

Внѣшнія условія жизни въ академіи были не особенно хороши: въ квартирахъ было тепло, но въ классахъ холодно, такъ что Петръ получалъ простуду и печалился, что тѣлесная слабость не позволяла ему относиться къ дѣлу такъ, какъ бы ему хотѣлось. Вообще гигиеническія условія были настолько не благоприятны, что нѣкоторые студенты умерли отъ чахотки ²⁵⁾). Петру особенно не нравилось то, что посты не соблюдались съ тою строгостью, какъ бы ему хотѣлось: въ великій постъ по воскресеньямъ и праздничнымъ днямъ давали рыбу, такъ что Петръ рѣдко

²²⁾ Ibid. 111—112.

²³⁾ Ibid. 122. 123.

²⁴⁾ Май, 101.

²⁵⁾ Ibid. 91—93.

ходилъ въ трапезу. Отъ такого воздержанія, съ одной стороны, а съ другой „отъ великаго прилежанія такъ повредилъ Петръ себя, что въ очахъ мракъ имѣлъ, худо видѣть могъ среди дня, страдалъ слабостью въ груди и сухостью во всемъ тѣлѣ“; въ больницу же онъ ни за что не хотѣлъ поступать, такъ какъ больнымъ въ постъ по настоянію „доктора-нѣмца“ и съ разрѣшенія ректора Филарета давали скоромную пищу²⁵⁾. И вотъ къ концу учебнаго года Петръ такъ ослабѣлъ, что рѣшилъ просить Филарета, чтобъ тотъ отпустилъ его домой лѣчиться: продолжать занятія дальше не было никакой физической возможности. Филаретъ, обратившій на Петра особенное благосклонное вниманіе съ самаго начала поступленія послѣдняго въ академію, обѣщалъ позаботиться о возвращеніи ему здоровья. И вотъ предъ всенощнымъ бдѣніемъ на день Вознесенія (1815) Петра призываютъ къ митрополиту, гдѣ его освидѣтельствовалъ знаменитый въ то время докторъ Каменецкій и нашелъ, что для выздоровленія Петру необходимо ѣхать домой. Но ѣхать Петру рѣшительно было не на что; выручилъ его опять Филаретъ: чрезъ него Амвросій далъ 50 р., самъ Филаретъ далъ 25 р., дали еще и нѣкоторые другіе, такъ что у Петра составилось около 100 р. и онъ уѣхалъ домой для поправленія своего расшатаннаго здоровья.—Дома онъ для выздоровленія „старался ходить по лугамъ, берегамъ рѣки, по цвѣтистымъ нивамъ и полямъ, дабы тѣмъ себя веселить и облегчить чрезъ воздухъ“. Такое лѣченіе дѣйствительно помогло: къ концу каникулъ Петръ настолько поправился, что отправился обратно въ академію. Но по пріѣздѣ сюда онъ увидѣлъ, что въ наукахъ отъ товарищей сильно отсталъ, усилить же свои занятія, чтобъ догнать ихъ, по своей слабости онъ рѣшительно не могъ. Петръ просилъ увольненія и получилъ его. По ходатайству Филарета онъ былъ назначенъ учителемъ въ училище при семинаріи въ Невской Лаврѣ, ректоромъ которой состоялъ архимандритъ Иннокентій²⁷⁾.

Е. Шیانовъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

²⁵⁾ Ibid. 95.

²⁷⁾ Ibid. 97—98.

II) Статті и сообщенія.

Юрьевскій архимандритъ Фотій.

(Продолженіе).¹⁾

V.

Итакъ, образованіе Петра Спасскаго окончилось; онъ вступилъ въ жизнь въ качествѣ самостоятельнаго члсвѣка, — какъ преподаватель въ училищѣ. Преподавалъ онъ здѣсь слѣдующіе предметы: латинскій и греческій языки, славянскую грамматику, церковный уставъ и Законъ Божій²⁸⁾. Отношеніе его къ ученикамъ не ограничивалось отношеніями лишь учителя: онъ сталъ къ нимъ въ болѣе близкія и тѣсныя отношенія: „ученики любили его какъ отца и слушали какъ учителя“²⁹⁾.

Пріѣзжая домой на вакаціи, Петръ, какъ получавшій теперь жалованье, оказывалъ носильное денежное пособіе своему отцу, который былъ бѣденъ по прежнему. Во время пребыванія дома ему пришлось испытать новое плотское искушеніе, столь же сильное, какъ и то, какое онъ перенесъ въ бытность въ семинаріи, съ тѣмъ только различіемъ, что тогда искушеніе приходило къ Петру совнѣ, а теперь возсталъ свнутри. Долго и упорно боролась еще болѣе окрѣпшая воля Петра и одержала таки полную побѣду. Эта борьба и эта побѣда укрѣпила въ немъ вѣру въ могущество чловѣческой воли, въ полную возможность чловѣка противиться „діаволу“: „отъ сего опытомъ увѣрился я и ободрился, что когда самъ кто не восхощетъ волею впасть въ блудъ, не можетъ діаволъ его безъ поущенія Божія вовлечь въ грѣхъ“; „противиться сатанѣ всегда можно и побѣждать всю силу его вражію“³⁰⁾.

¹⁾ См. „Новг. Епарх. Вѣд.“ № 16.

²⁸⁾ Ibid. 102.

²⁹⁾ Ibid. 103.

³⁰⁾ Ibid. 108—111.

Рѣшеніе Петра принять монашество съ теченіемъ времени не только не ослабѣвало, а напротивъ зрѣло и усиливалось. Сильное впечатлѣніе произвелъ на Петра пожаръ его родного погоста 21 августа, когда всѣ жители были въ полѣ на жатвѣ. Сгорѣлъ весь погостъ за исключеніемъ церкви. Страшный видъ бушующаго всепожирающаго пламени напоминалъ Петру о пламени геенскомъ и еще болѣе укрѣпилъ въ немъ мысль и рѣшеніе „волею отречься отъ міра“. По пріѣздѣ на должность Петръ еще болѣе усиливаетъ и до того строгую жизнь, въ видахъ приготовленія къ монашеской жизни. По его собственнымъ словамъ онъ, „не будучи еще монахъ, жилъ весьма строго, по правиламъ монашескимъ“³¹⁾. Съ наступленіемъ же Филиппова поста Петръ рѣшилъ подвергнуть себя еще особому испытанію, съ цѣлью испытать себя, способенъ ли онъ къ иноческимъ трудамъ. Для этого Петръ „во дни постился и въ нощи молился Богу по силѣ“, въ свободное время ходилъ на службу въ лавру. Результатъ получился самый благопріятный: по прошествіи поста Петръ хотя и чувствовалъ себя слабѣе, но за то бодрѣе и здоровѣе. Послѣ этого искуса Петръ отказался совершенно отъ скоромной пищи и такимъ образомъ добровольно избралъ вѣчный постъ. Первую седмицу наступившаго Великаго поста Петръ провелъ почти совсѣмъ безъ пищи, и сильно отъ этого ослабѣлъ³²⁾.

Наконецъ наступило давно и страстно желанное Петромъ время его поступленія въ монашество. На освободившееся въ І кадетскомъ корпусѣ мѣсто законоучителя Амвросій, Филаретъ и Иннокентій рѣшили назначить Петра; это впрочемъ было скрыто отъ Петра, а ему просто предложили подать прошеніе о постриженіи въ монашество. Петръ такъ обрадовался скорому осуществленію этой своей завѣтной мысли и сердечнаго желанія, что отъ радости не могъ самъ написать прошенія: онъ только подписался; редакція этого прошенія принадлежала Иннокентію, причемъ онъ проставилъ число лѣтъ Петру 32 (вмѣсто настоящихъ 24^{1/2}). 16 февраля 1817 года послѣ заутрени Петръ былъ постриженъ Филаретомъ въ монашество съ именемъ „Фотій“. Но такъ какъ новопостриженный былъ такъ бѣденъ, что рѣшительно не былъ въ состояніи сдѣлать монашеское одѣяніе, то Филаретъ далъ ему свои клобукъ, рясу и камилавку, а митрополитъ—рясу, подрясникъ бархатный, четки, молитвенникъ и 100 руб. денегъ. „Наставникомъ и отцемъ“ новопостриженному

³¹⁾ Ibid. 112—114.

³²⁾ Іюль, 195—196.

Фотію былъ назначенъ Иннокентій, который и взялъ его въ свою келію. Радость Фотія по случаю исполненія давно желаннаго поступленія въ монахи была безгранична: Фотій какъ бы родился къ новой жвзни; онъ „самъ себя не узнавалъ: внималъ себѣ, чувствуя, что весь новъ, обновился чудно въ немъ умъ, сердце и душа его въ немъ; видитъ, въ немъ нѣтъ даже тѣни смущенія“³³).

Вечеромъ Иннокентій велѣлъ ему готовиться къ посвященію завтра въ іеродіакона, какое и было совершено 17 февраля. Въ этотъ же самый день ему велѣно было готовиться къ посвященію въ іеромонаха; 18 февраля совершилось его рукоположеніе. Во время причастія св. Таинъ Амвросій далъ ново-рукоположенному часть Агнца и читалъ обыкновенную клятву священническую, причемъ Фотію особенно врѣзались въ память слѣдующія слова: „не убойся за св. вѣру и св. Церковь постояти до пролитія крови и самыя смерти... не убойся никого отъ человѣкъ“; Фотій, слушая эти слова, „возвелъ очи свои горѣ и рекъ самъ къ себѣ въ той часъ ко Господу: даждь ми, Господи, благодать и силу, и о имени Твоемъ, се исповѣдаюся Тебѣ у величества славы Твоея вся терпѣти до смерти Тебе ради“. Въ этихъ словахъ клятвы священнической Фотію чуялась его будущая судьба: „здѣсь онъ пріялъ извѣщеніе, каково будетъ житіе его, како возстануть на него врази его и како Господь дастъ ему побѣдить всю силу вражію, смерти и ада и искоренить ереси противу святыхъ вѣры“³⁴).

Фотій былъ опредѣленъ законоучителемъ не въ I кадетскій корпусъ, какъ предполагалось первоначально, а во второй. Вмѣстѣ съ этимъ начинается для Фотія періодъ его борьбы съ мистицизмомъ и мистиками.

Но чтобъ правильно понять борьбу Фотія и ту роль, какую пришлось ему здѣсь играть, мы предварительно должны дать характеристику умственныхъ и нравственныхъ качествъ личности Фотія, равно какъ и характеристику той среды, въ какой ему пришлось дѣйствовать.

VI.

„Мудрости философской, ораторской и человѣческой старался я научиться, дабы всячески Богу и царю вѣрою служить. Но

³³) Ibid. 201.

³⁴) Ibid. 201—204.

яко суету и ко спасенію не полезную, оную мудрость вовсе презрѣвъ. я искалъ премудрости Божіей и началомъ ея полагалъ страхъ Божій“ ³⁵⁾), такъ Фотій самъ характеризуетъ свои умственные качества и отношеніе къ наукѣ;—характеристика насколько не лестная, настолько справедливая и безпристрастная. Дѣйствительно умственные качества Фотія были не глубоки и не обширны. Образованіе, какъ извѣстно, Фотій получилъ такое, какое оставляло еще многого желать; въ академіи онъ не пробылъ даже одного цѣлаго года, такъ что академія, если что и дала ему, то дала крайне мало; она почти ничего не прибавила Фотию ни къ запасу его научныхъ свѣдѣній, ни къ ихъ обработкѣ: Фотій остался съ тѣми свѣдѣніями, какія ему дала семинарія. Недостаточность своего образованія Фотій не старался восполнить самообразованіемъ,—чрезъ чтеніе такихъ книгъ, которыя бы могли расширить его кругозоръ и хоть немного ослабить строгость той исключительно-аскетической односторонней точки зрѣнія на жизнь, міръ и людей, какую Фотій выработалъ себѣ въ самомъ раннемъ дѣтствѣ, и какая сопровождала его всю его жизнь, до самой смерти. Весь запасъ книгъ, какія Фотій читалъ и позволялъ себѣ читать, сводился къ одной книгѣ—Библии. Еще въ свою бытность учителемъ, Фотій на вопросъ Иннокентія, какія онъ книги читаетъ, далъ такой отвѣтъ: „св. отецъ книгъ не имѣю, новѣйшихъ книгъ и проповѣдей не читаю; терпѣть не могу мірскихъ книгъ; одну св. Библию имѣю и оную читаю“ ³⁶⁾). Фотій всегда чуждался всего мірскаго, всего того, что не относилось прямо и непосредственно къ Богу и религіи. Само собою понятно, что недостатокъ образованія и эта крайняя отчужденность отъ всего мірскаго, доходящая до нетерпимости, („терпѣть не могу...“ „яко суету и ко спасенію не полезную ону,“ мудрость вовсе презрѣвъ...“) необходимо должны были и въ область религіозныхъ понятій и представленій Фотія вносить съ собою узость, ограниченность и односторонность. Самый Богъ для Фотія не былъ Богомъ любви, безконечнаго милосердія, состраданія, а Богомъ гнѣва, правосудія, мщенія; міръ Божій со всѣми его красотами и великолѣпіемъ для Фотія также не существовалъ: онъ смотрѣлъ на него сквозь узкое и мрачное окно своего односторонне-суроваго аскетизма и всѣ краски міра для Фотія опали, все его великолѣпіе исчезло; на людей Фотій взглянулъ подъ тѣмъ же угломъ зрѣнія, и всѣ люди, по его

³⁵⁾ Ноябрь 1895 г., стр. 207.

³⁶⁾ Май 1894 г., стр. 104.

мнѣнію, должны были или стать монахами и служить вмѣстѣ съ нимъ однимъ и тѣмъ же цѣлямъ, или подвергнуться вѣчному осужденію отъ Бога, какъ беззаконники. Кто и что хочетъ быть Божиимъ, принадлежать Богу,—все это должно какъ можно ближе подходить къ монастырю, а иначе все становится достояніемъ діавола. Мысли о діаволѣ занимали всегда очень видное мѣсто въ общемъ строѣ и характерѣ религіозныхъ представленій Фотія. Въ человѣкѣ и всякой человѣческой дѣятельности Фотій не признавалъ и не допускалъ ничего естественнаго, собственно человѣческаго: все было по его мнѣнію или отъ Бога или отъ діавола; всѣ страсти, всѣ искушенія человѣка—отъ діавола; злая дѣятельность человѣка—отъ діавола, мистицизмъ—произведеніе діавола, мистики—антихристы, исчадіе ада, мистическія сочиненія—„лукавыя внушенія, бредъ духовъ злобы поднебесныя“³⁷⁾. Достойно примѣчанія то обстоятельство, что Фотій, такъ распространяясь о козняхъ и дѣйствіяхъ діавола, описывая различныя видѣнія и искушенія, въ которыхъ дѣйствовали бѣсы, почти совершенно не упоминаетъ объ ангелахъ добрыхъ, не рассказываетъ рѣшительно ни объ одномъ видѣніи, въ которомъ бы принимали участіе ангелы: такъ односторонне, узко, мрачно, безутѣшно и безрадостно было все его міросозерцаніе, все его душевное содержаніе.

Фотій смотритъ на все не съ просто религіозно-библейской точки зрѣнія, но съ крайне исключительно-аскетической точки зрѣнія. Ему страшно нравились строгіе монашескіе порядки, царившіе въ семинаріи, причемъ Фотій не удерживается и высказываетъ свое задушевное желаніе, чтобъ и въ свѣтскихъ учебныхъ заведеніяхъ начальниками были лица духовныя, чтобъ не было иностранныхъ учителей и вольнодумныхъ наставниковъ, пренебрегающихъ уставами церкви: „ибо нѣтъ въ учебныхъ заведеніяхъ военныхъ и гражданскихъ ни Христа, ни поста, ни креста“³⁸⁾. Фотій сѣтуетъ, что за его бытность въ академіи студентамъ дозволяли свободно читать нѣмецкія книги, особенно мистическія сочиненія Штиллинга, и что студенты читали и восхищались³⁹⁾. Негодуетъ Фотій и на то, что студенты ходили въ театръ и, что всего хуже, съ разрѣшенія своего начальства, между тѣмъ какъ театръ, говоря языкомъ Фотія, „есть храмъ сатанѣ“. Мнѣніе о театрахъ Фотій составилъ такое: „театры,

³⁷⁾ Ibid. 94.

³⁸⁾ Апрель, 116.

³⁹⁾ Май 1894 г., стр. 101.

какого бы рода ни были, какъ бы невинны и нужны не казались представляемы отъ похотливцевъ христіанъ, всѣ суть бѣсовскія служенія, работа мамонѣ, мудрованіе плоти, языческихъ мерзостныхъ службъ остатки, капища сатаны, заведенія злобы многопрелестныя, виды прелести діавольскія, училище нечестія, служба вражія, сѣтъ князя тьмы, — кратко сказать — многообразная мерзость заустѣнія на мѣстѣ святѣ... Тотъ нѣсть христіанинъ, кто мнитъ пользу имѣть отъ театровъ и зрѣлищъ всякихъ, а есть язычникъ и идолопоклонникъ“ ⁴⁰). Фотій, какъ видно, не былъ скупъ на самые сильные эпитеты, когда дѣло касалось какого-либо съ его точки зрѣнія отрицательнаго явленія въ жизни ли то общества, или частнаго человѣка. Впрочемъ, надо сказать, что по своей искренности Фотій обличалъ не одинъ лишь „міръ“. Вотъ онъ въ 1823 г. посѣтилъ Москву и былъ въ тамошнихъ монастыряхъ, но ни одинъ изъ московскихъ монастырей не удовлетворялъ тѣмъ строгимъ аскетическимъ требованіямъ, какія предлагалъ Фотій къ каждому монастырю: пѣніе въ монастыряхъ было мірское, а не монастырское; братіи онъ нигдѣ не видѣлъ не только въ церкви, но даже въ обители и въ келліяхъ“ ⁴¹). На всю Москву Фотій тоже взглянулъ съ религіозно-монашеской точки зрѣнія: „видъ Москвы есть таковъ, что кажется издали сей градъ есть градъ однихъ монастырей и церквей. Многое множество главъ, и крестовъ, и прочихъ зданій церковныхъ и украшеній дѣлають Москву превозделѣннымъ градомъ... Градъ сей христіанскій есть какъ бы нѣчто превыше земного и подобіе небеснаго селенія“ ⁴²).

Такимъ образомъ въ своихъ требованіяхъ Фотій былъ суровъ, строгъ и неумолимъ; никакихъ компромиссовъ онъ не принималъ, никакихъ послабленій не допускалъ. Очевидно, эта строгость требованій по отношенію къ другимъ была лишь другою стороною той строгости, какую Фотій проявлялъ по отношенію къ самому себѣ: Фотій оставался вѣрнымъ самому себѣ во всей своей внутренней жизни и въ внѣшнихъ отношеніяхъ къ другимъ; послѣдняя сторона была прямымъ слѣдствіемъ первой. И этотъ характеръ Фотія сталъ складываться въ опредѣленномъ направленіи въ очень раннемъ возрастѣ: угрюмая замкнутость, суровое отреченіе отъ жизни и міра начались для Фотія съ самаго нѣжнаго дѣтства, съ теченіемъ же времени онѣ зрѣли и изъ случайнаго явленія

⁴⁰) Мартъ 1895 г., 180.

⁴¹) Ibid. 175.

⁴²) Ibid. 174.

переходили въ опредѣленное направленіе, становились убѣжденіемъ, и пріобрѣтали все большую устойчивость и силу.

Съ самыхъ раннихъ лѣтъ Фотій удалялся общества своихъ товарищей и сверстниковъ и особенно боялся „обращенія съ юнымъ женскимъ поломъ“. Въ тѣ рѣдкіе свободные дни, какіе выпадали на долю Фотія въ вакаціонное его пребываніе дома, онъ употреблялъ не для совмѣстныхъ игръ и развлеченій съ сверстниками, а „отыскивалъ средство къ безмолвію, совершенному уединенію“ ⁴³⁾. Онъ сильно любилъ рыбную ловлю. По праздникамъ еще до восхода солнца онъ уходилъ „изъ дому родительскаго версты полторы и болѣе на рѣку, гдѣ сидѣлъ среди тишины въ лѣсу на берегахъ, водахъ, удилъ рыбу удицею“, за уженьемъ онъ проводилъ часто цѣлый день, сидя безъ пищи ⁴⁴⁾. Тою же склонностью къ уединенію Фотій отличался и за свое пребываніе въ семинаріи: за весь курсъ обученія онъ не ходилъ ни къ кому въ городъ, не дѣлалъ никакихъ знакомствъ и связей. Любилъ онъ въ лѣтнее время еще до восхода солнца выходить изъ монастыря и походить въ безмолвіи и одиночествѣ по полямъ и лугамъ ⁴⁵⁾. Повидимому такого рода поступки Фотія указываютъ на присутствіе въ его душѣ любви къ природѣ, ея красотамъ и поэзіи. Но мы жестоко ошиблись бы, если бы изъ поступковъ Фотія вывели это заключеніе. Нѣтъ, въ этихъ поступкахъ Фотіемъ руководили совсѣмъ другія побужденія и цѣли. Душа Фотія не знала чувства наслажденія красотами природы, его сердце никогда не билось свѣтлою и радостною любовью къ природѣ и никогда не испытывало восторга отъ ея поэзіи. Фотій не потому уходилъ въ лѣсъ и на рѣку для ужения, чтобы наслаждаться природою; онъ уходилъ сюда для того, чтобы удалиться отъ общества товарищей и сверстниковъ, и быть въ одиночествѣ и уединеніи, которое любилъ и къ которому стремился: эта уединенная рыбная ловля, какъ говорится въ автобіографіи Фотія, „сохранила его совершенно отъ обращенія съ юными сверстниками, юнымъ женскимъ поломъ“ ⁴⁶⁾. Равнымъ образомъ и въ то время, когда Фотій раннимъ утромъ бродилъ по окружающимъ Антоніевъ монастырь полямъ и лугамъ, его вниманіе витало въ сферахъ, совершенно чуждыхъ окружающей природѣ; его умъ и воображеніе занимала не природа, среди которой онъ обращался, а инныя мысли и образы, возстающія изъ

⁴³⁾ Апрель, 94; 103.

⁴⁴⁾ Ibid.

⁴⁵⁾ Ibid. 119.

⁴⁶⁾ Ibid. 103.

внутри его; онъ „въ безмолвіи, какъ говоритъ автобіографія, приготовлялъ себя къ отчету предъ начальниками и учителями... *уроки ученія всегда твердилъ*“⁴⁷⁾. Фотій всегда былъ человекомъ твердой и неуклонной воли, и въ рукахъ этой желѣзной своей воли постоянно старался держать свой умъ и свое воображеніе: онъ не позволялъ имъ уклоняться куда-либо въ сторону ни на шагъ, ни на іоту отъ разъ даннаго и навсегда установленнаго направленія; онъ изгонялъ изъ головы все тѣ мысли, а изъ воображенія все тѣ образы, которые не соответствовали его аскетико-монашескому направленію, изъ страха, чтобъ такія мысли и такіе образы не поколебали его, не ослабили его убѣжденій, не измѣнили его мрачный, безотрадный взглядъ на міръ и людей, ибо всякое измѣненіе такого взгляда показалось бы ему „прелестію вражіей, діавольскимъ навожденіемъ“. И вотъ Фотій разъ навсегда далъ своему уму матеріаль, какой тотъ долженъ былъ обрабатывать, и направленіе, въ какомъ онъ долженъ работать, а своему воображенію указалъ границы, изъ коихъ оно ни въ коемъ разъ не смѣло и не должно было выходить. Поэтически-радостное наслажденіе красотою природы для суроваго Фотія казалось чѣмъ то слишкомъ нѣжнымъ, совершенно не соответствующимъ строгости монашества, могущимъ ослабить эту строгость и такимъ образомъ внести въ душу монаха разстройство, а въ ходъ его нравственной жизни—замѣшательства, поддержку, а то, пожалуй, и совершенное отклоненіе отъ цѣли. Матеріаль же для дѣятельности ума и область для дѣятельности воображенія, какъ мы уже неоднократно замѣчали, Фотій ограничилъ лишь сферою крайне-суроваго своего аскетизма и лишь въ предѣлахъ этой области держалъ свой умъ и свое воображеніе. Конечно, эту область и эти предѣлы нельзя назвать не только тѣсными, но даже и ограниченными: эта область очень широка и можетъ доставить обильнѣйшую пищу и богатѣйшее содержаніе для ума... но только не для такого ума, каковъ былъ у Фотія: Фотию недоставало той силы и той глубины ума, безъ которыхъ въ этой области можно сдѣлаться очень узкимъ и одностороннимъ, остановиться на томъ, что религія отрицаетъ, и не понять того, что она даетъ и къ чему призываетъ. И мы видѣли, что Фотій дѣйствительно понималъ христіанскую религію именно съ этой отрицательной, а не положительной ея стороны, не со стороны того, что она даетъ, а лишь со стороны того, что отрицаетъ; онъ понималъ и принялъ не то, къ чему она ве-

⁴⁷⁾ Ibid. 119.

леть стремиться, а то, отъ чего велить отвращаться; Фотій остановился на отрицаніи религіей всего грѣховнаго въ мірѣ и людяхъ и не дошелъ, не охватилъ мыслию и сердцемъ того возвышеннѣйшаго, свѣтлаго, жизнерадостнаго содержанія, которое составляетъ главную жизненную—самую плодотворную сторону въ религіи и наполняетъ человѣка все новыми и новыми, безконечно широкими положительными идеалами, привязывающими, а не отвращающими человѣка отъ жизни и людей. Этимъ одностороннимъ усвоеніемъ христіанской вѣры, какъ мы видѣли выше, объясняется весь односторонній характеръ его суроваго аскетизма, безусловно отрицающаго, какъ языческое, все то, что напоминаетъ отдыхъ и облегченіе, радость и удовольствіе; равно объясняется и характеръ всей его религіозности, въ которой онъ отводилъ самое первое и главное мѣсто борьбѣ съ грѣхомъ и діаволомъ.

Чуждаясь общества людей и всякаго участія въ ихъ жизни, изгоняя изъ своей души самые признаки чего либо свѣтлаго и жизнерадостнаго, Фотій все болѣе и болѣе терялъ способность къ симпатическимъ чувствамъ и волненіямъ. Сердце Фотія становилось для другихъ людей все болѣе и болѣе сухимъ и холоднымъ; недостатокъ симпатіи, сердечной теплоты и любви необходимо велъ за собою черствость и холодность по отношенію къ другимъ; самъ отличаясь желѣзною волею, Фотій сталъ требовать такой же воли и отъ другихъ; не допуская себѣ ни малѣйшаго послабленія, ни малѣйшаго отклоненія, Фотій слишкомъ строго началъ осуждать другихъ за эти отклоненія и послабленія, и сталъ видѣть въ этихъ отклоненіяхъ не человѣческую немощь, а измѣну своему долгу, отреченіе и предательство. Таковъ былъ характеръ отношеній Фотія къ людямъ.

Изъ всего выше сказаннаго не слѣдуетъ однакоже выводить такого заключенія, будто у Фотія вовсе не было воображенія, фантазіи; нѣтъ, воображеніе у Фотія было въ высшей степени пылкое и напряженное, но оно не смѣло выйти изъ указанныхъ ему Фотіемъ границъ, а потому и дѣятельность его получила у Фотія совершенно своеобразный характеръ. Не смѣя разойтись въ ширину, воображеніе Фотія по необходимости ограничивалось небольшою областью и незначительнымъ числомъ предметовъ; зато въ отведенныхъ ему предѣлахъ оно, при извѣстной страстности характера Фотія, при нервности и болѣзненности его организма, пріобрѣтало такую силу, живость и отчетливость, что часто для Фотія границы міра реальнаго исчезали, и реальный міръ смѣшивался и сливался съ воображаемымъ;—Фотію, какъ

мы знаемъ, весьма часто являлись видѣнія и привидѣнія; и по мрачному характеру всегдашняго душевнаго настроенія Фотія, не трудно догадаться, какого рода были эти видѣнія. Еще въ дѣтствѣ Фотія мачиха однажды послала на домъ подъ кровлю сидить курицу на гнѣздо; мальчикъ полѣзъ, но на него напалъ страхъ „и нѣкое видѣніе видѣвъ, отъ страха поспѣшно бѣжалъ съ верха дома“ и упалъ съ высоты четырехъ аршинъ, причемъ такъ сильно расшибся, что временно лишился даже языка. И этотъ случай „видѣнія“ былъ не единственный; „во время юности своея онъ не мало былъ отъ явленій духовъ смущаемъ“⁴⁸⁾. Бѣсы смущали Фотія и въ взрослыхъ лѣтахъ, — они нападали на него то какъ духи, то даже въ тѣлесномъ образѣ“⁴⁹⁾.

Итакъ для Фотія не существовало особыхъ твердо установленныхъ и непреходимыхъ границъ между міромъ чувственнымъ и сверхчувственнымъ, матеріальнымъ и духовнымъ. А по своимъ сердечнымъ стремленіямъ и задушевнымъ желаніямъ Фотій въ гораздо большей степени жилъ не въ мірѣ матеріальномъ, а именно въ мірѣ сверхчувственномъ и духовномъ, въ который онъ возносился на крыльяхъ своего пылкаго, экзальтированнаго воображенія, и который, благодаря этому, принималъ иногда, какъ мы уже замѣчали выше, столь же реальную и осязательную форму, какъ міръ чувственный. Этими условіями объясняется то, на первый взглядъ кажущееся страннымъ явленіе, что ревностнѣйшій и упорнѣйшій борецъ противъ мистицизма, Фотій въ сущности былъ и самъ мистикомъ не въ меньшей степени; только его мистицизмъ былъ совершенно иного рода, чѣмъ мистицизмъ тогдашняго общества и Фотій становится въ самую упорную оппозицію по отношенію къ этому послѣднему.

Мистицизмъ Фотія обнаруживался въ томъ, что онъ самымъ простымъ и обыденнѣйшимъ вещамъ, предметамъ и событіямъ придавалъ особенное сокровенное значеніе, вкладывалъ въ нихъ высшій, таинственный смыслъ, во всемъ видѣлъ „предуказаніе“, „знаменіе“ чего-либо чрезвычайнаго, неизвѣстнаго. Такое „знаменіе“ Фотій усматриваетъ, напримѣръ, даже въ самомъ началѣ своей жизни, въ обстоятельствахъ своего рожденія: родившагося ребенка Евфимія положила на соломѣ; на него падали лучи солнца и осіявали его; правая рука дитяти была поднята надъ головою, а пальцы сложены какъ бы для крестнаго знаменія или для присяги; сколько разъ не отнимали руку, она всетаки

⁴⁸⁾ Апрель, 106, 107.

⁴⁹⁾ Іюль, 208, 210.

принимала прежнее положеніе „какъ бы кѣмъ явно держама, со сложеніемъ креста, по образу того, кто даетъ присягу Богу на вѣрность и клянется живущимъ на небесѣхъ“⁵⁰⁾. Потомъ мы уже видѣли, какъ двухъ схимниковъ въ Казанскомъ соборѣ Фотій принялъ за ангеловъ, въ словахъ клятвы священнической, прочитанной при его рукоположеніи въ іеромонаха, услышалъ предвозвѣщеніе своей будущей судьбы. Такого рода „знаменій“ такъ много въ автобіографіи Фотія и всѣ они такъ похожи одно на другое, что останавливаться на нихъ и приводить ихъ большее число мы считаемъ совершенно излишнимъ; безъ всякаго ущерба для ясности представленія можно ограничиться и указанными; и изъ нихъ можно видѣть, насколько глубоко проникъ мистицизмъ во все міросозерцаніе Фотія, какою реальностію и даже конкретностію или лучше осязательностію отличались у Фотія мистическіе образы и какъ въ однихъ предметахъ и событіяхъ Фотій усматривалъ и созерцалъ предметы и событія только изъ другого міра, изъ міра сверхчувственного. Замѣтимъ, наконецъ, въ заключеніе характеристики мистицизма Фотія, что онъ вѣрилъ снамъ, и любилъ дѣлать предсказанія.

Таковъ былъ со стороны своихъ умственныхъ качествъ и дарованій и со стороны своихъ религіозно-нравственныхъ понятій и представленій Фотій, главный врагъ мистицизма, охватившаго въ первую четверть истекающаго столѣтія всю Европу, а въ томъ числѣ и Россію,—Фотій. не только врагъ мистицизма, но и первый, а вмѣстѣ и ревностнѣйшій борецъ противъ него.

Но для полноты оцѣнки дѣятельности его, необходимо представить характеристику тѣхъ историческихъ условій, среди которыхъ онъ дѣйствовалъ, и съ которыми ему пришлось столкнуться и вступить въ борьбу. Къ этому предмету мы и переходимъ съ слѣдующей главы.

Е. Шیانовъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

⁵⁰⁾ Мартъ, 149, 150.

Какъ не похожи этотъ пріемъ и встрѣча новаго пастыря на обычное трескливо-робкое вступленіе большинства священниковъ на свои паствы, и какъ отрадно отмѣтить сочувственнымъ словомъ пріятное исключеніе въ этомъ отношеніи.

Юрьевскій архимандритъ Фотій.

(Продолженіе).¹⁾

VII.

Въ началѣ XIX столѣтія Европа была глубоко, въ самыхъ основаніяхъ своей жизни, поколеблена сначала французской революціей, потомъ Наполеономъ, его войнами и самовольнымъ безконтрольнымъ владычествомъ его по всей Европѣ: государства и ихъ границы, народы и народности—все это было перемѣшано и перепутано Наполеономъ, сдвинуто съ своихъ вѣковыхъ историческихъ устоевъ; центры—и политическаго, и международнаго, и историческаго—равновѣсій были нарушены. Это политически—государственное шатаніе отразилось точно такимъ же шатаніемъ и въ умственной и религіозно-нравственной жизни европейскихъ народовъ:—и здѣсь были сдвинуты прежніе центры, поколеблены прежніе устои и основанія. И вотъ въ области умственной и религіозно-нравственной жизни европейскихъ государствъ воцарился точно такой же хаосъ, какой царилъ въ области тогдашней политической жизни народовъ. Прежняя положительная вѣра или убѣжденное невѣріе потеряли характеръ положительности и опредѣленности,—онѣ замѣнились стремленіемъ куда то вверхъ и вдаль, выше настоящей дѣйствительности и дальше и глубже настоящаго положенія вещей; данная дѣйствительность не удовлетворяла человѣка,—онъ искалъ чего-то другого и томился по немъ. Такимъ-то образомъ появился и пріобрѣлъ страшное развитіе мистицизмъ,—это неопредѣленное и неясное томленіе по чемъ-то, стремленіе куда-то, и къ чему-то, но куда именно и къ чему,—человѣкъ и самъ не могъ разгадать и дать себѣ отчетъ. Не надѣясь на разумъ, который, какъ всѣмъ ясно было, и привелъ

¹⁾ См. «Новг. Епарх. Вѣд.» № 17-й.

именно къ такому полному крушенію всѣхъ человѣческихъ убѣжденій, вѣрованій и надеждъ, люди возложили всѣ свои упованія на сердце, думая въ немъ найти источникъ правды, разгадку всѣхъ тайнъ; но чувства—смутны и неопредѣленны и должны быть провѣряемы и уясняемы анализомъ разума; однако эта безспорная истина на время предана была какъ бы забвенію и мистицизмъ, отвергнувъ разумъ, апеллировалъ къ сердцу. Въ разсматриваемое нами время мистицизмъ принялъ особую историческую форму *масонства*.

Въ общій ходъ политическихъ событій въ Европѣ была увлечена и Россія: двѣнадцатый годъ поколебалъ и потрясъ Россію не меньше, чѣмъ революція Европу. Поэтому колебаніе умовъ, мистицизмъ и масонство, распространившіеся вслѣдъ за этимъ въ Европѣ, звонкимъ отголоскомъ отдались и въ Россіи. Развитію масонства въ Россіи особенно способствовало то обстоятельство, что во главѣ его стояли въ высшей степени могущественныя, по своему общественному положенію, лица, своимъ вліяніемъ, своею прямою и косвенною властью обезпечившія и процвѣтаніе и развитіе масонства и вообще всякаго рода мистическихъ сектъ. Въ числѣ такихъ лицъ прежде всего надо назвать князя Александра Николаевича Голицына, ближайшаго и довѣреннаго друга и совѣтника императора Александра I, и кромѣ того совмѣщавшаго въ одномъ своемъ лицѣ такіе важные государственные посты, какъ постъ оберъ-прокурора Св. Синода и министра 1, народнаго просвѣщенія, 2, духовныхъ дѣлъ и 3, почтъ. Сюда же принадлежали: министръ внутреннихъ дѣлъ графъ Викторъ П. Кочубей; другъ государя Родіонъ Кошелевъ; А. И. Тургеневъ, директоръ канцеляріи министерства духовныхъ дѣлъ; В. М. Поповъ, директоръ департамента министерства народнаго просвѣщенія ⁵¹⁾ и еще—Руничъ, И. Ястребцовъ, Н. Сѣровъ, пользовавшіеся благосклонностью императрицы Маріи Ѳеодоровны. Всѣ означенныя лица составляли одинъ тѣсный и дружный кружокъ; ⁵²⁾ по общественному положенію всѣхъ этихъ лицъ можно судить, какова была сила, власть и значеніе этого кружка. И вотъ масонство подъ покровительствомъ этихъ лицъ развивлось такъ, что появилось болѣе 30 масонскихъ ложъ подъ

⁵¹⁾ Миropольскій („Фотій Спасскій, юрьев. арх.“ Вѣстн. Евр. 1878 г. т. VI стр. 59) ошибочно называетъ его директоромъ Библ. Общ., каковымъ состоялъ въ дѣйствительности Феслеръ.

⁵²⁾ О Поповѣ напр. Голицынъ писалъ: „правая онъ моя рука“... Р. Ст. 1882 г. т. XXXIII, стр. 442.

разными названіями ⁵³⁾. Эти вліятельныя лица не довольствовались тѣмъ, что покровительствовали масонству, — они, въ цѣляхъ развитія масонства, приглашали изъ за границы выдающихся мистиковъ: такъ, еще по ходатайству Сперанскаго былъ приглашенъ изъ за границы Феслеръ, который былъ профессоромъ сначала еврейскаго языка, а потомъ философіи въ Петербургской Духовной Академіи ⁵⁴⁾; на югъ подвизался Линдель; въ Петербургѣ — Госнеръ, которому кромѣ Голицына покровительствовала и императрица Марія Ѳеодоровна ⁵⁵⁾. Вмѣстѣ съ этими иностранцами появились въ Россіи кромѣ масонства и другія иностранныя мистическія секты, напр. иллюминатовъ, квакеровъ, методистовъ. Даже женщины принимали ревностное участіе въ насажденіи и развитіи мистицизма: въ это время „преславляется подъ именемъ христіанки женка нѣкая Хвостова, яко богодухновенная... восхваляется иностранка, женка безумная, нѣкто Криднеръ... во дворцѣ Михайловскомъ, яко богинѣ языческой, поклоненіе Татариновой дѣлается“ ⁵⁶⁾.

Мистическое движеніе не ограничивалось высшимъ классомъ; оно охватило все русское общество, всѣ его классы. Нѣтъ ни какихъ основаній предполагать, что распространенію мистицизма въ низшихъ классахъ препятствовало будто бы невѣжество ⁵⁷⁾. Невѣжество тутъ рѣшительно не причемъ, такъ какъ мистицизмъ по самой основѣ своей опирался не на разумъ, а на чувство ⁵⁸⁾, и слѣд. отсутствіе образованія никакъ не могло служить препятствіемъ для его усвоенія. И исторически это вполне оправдалось: мистическія секты нашли себѣ широкое распространеніе и въ средѣ необразованнаго класса русскаго общества; здѣсь усилились секты скопцовъ и хлыстовъ и появились подобно, какъ и въ высшемъ классѣ, свои проповѣдники мистицизма. Такимъ проповѣдникомъ на Дону среди казаковъ явился есаулъ Евлампій Котельниковъ; изъ числа другихъ, болѣе выдающихся проповѣдниковъ мистицизма, подобныхъ Котельникову, можно назвать: Ѳеодосія Левицкаго, священника г. Балты, Волынской

⁵³⁾ „Р. С.“ 94 г. стр. 214

⁵⁴⁾ „Обществен. движеніе при Александрѣ I.“ А. Пыпина; СПб. 1885; стр. 303.

⁵⁵⁾ „Р. С.“ Августъ 95; 187.

⁵⁶⁾ „Р. С.“ Іюль 94; 213.

⁵⁷⁾ Такъ полагаетъ г. Миропольскій (ср. cit. стр. 15), по его мнѣнію мистическое движеніе „касалось только высшихъ образованныхъ слоевъ общества, такъ какъ масса народа русскаго коснѣла въ невѣжествѣ“.

⁵⁸⁾ С. Р. „Юрьевск. архим. Фотій“ К. Попова въ „Труд. К. Д. Ак.“ 1875 г. т. I, стр. 376.

губерніи; его друга изъ Подольской губ. Θεодора Лисѣвича и Тихона Смирнова въ Пензѣ ⁵⁹⁾).

Столь необычайное распространѣніе мистическихъ сектъ, та свобода, какою пользовалась пропаганда мистицизма, наконецъ та могущественная партія покровителей и поборниковъ, которая находилась у самаго престола, и лица которой находились въ такихъ близкихъ отношеніяхъ къ самому императору Александру I, — все это убѣждаетъ, что на первыхъ порахъ и самъ государь былъ расположенъ къ мистицизму. И дѣйствительно, Фотій свидѣтельствуетъ, что „царь былъ малосвѣдущъ въ истинѣ вѣры православныя“ ⁶⁰⁾ и что общественное мнѣніе приписывало ему сочувствіе и покровительство мистицизму ⁶¹⁾.

Кромѣ прямого покровительства представителямъ мистицизма (Татариновой, Феслеру, Госнеру и др.), кружокъ Голицына принималъ и другія мѣры для развитія въ Россіи мистицизма; такъ мѣста въ учебныхъ заведеніяхъ замѣщались по вліянію тайныхъ обществъ тѣми людьми, которые сочувствовали мистицизму, или принадлежали къ масонскимъ ложа^{мъ} ⁶²⁾; далѣе, въ рукахъ этого кружка находилась цензура, съ одной стороны, не допускавшая въ печать рѣшительно ничего, что бы могло подрывать мистицизмъ, а съ другой стороны пропускавшая рѣшительно все и всякія мистическія сочиненія ⁶³⁾. Въ такой литературной дѣятельности масонскихъ обществъ выдающееся мѣсто занималъ А. Лабзинъ, —этотъ „фанатикъ своего мистицизма“ ⁶⁴⁾. На его средства, подъ его редакціей, а часто и его перевода появилась цѣлая масса самыхъ разнообразныхъ мистическихъ сочиненій ⁶⁵⁾, онъ же издавалъ и спеціальн^{ый} мистическій журналъ „Сіонскій Вѣстникъ“. Изданныя Лабзинымъ книги, равно и его собственныя сочиненія „почти все ученые читали съ удовольствіемъ, въ Семинаріи выписывали, хвалили и превозносили его, яко учителя вѣры“. „Сему идолу —человѣку, какъ говоритъ Фотій, кланялось начальство СПБ. Дух. Академіи и Синодъ его чтить“ ⁶⁶⁾.

⁵⁹⁾ См. „Ересь есаула Котельникова“ В. Жмакина, „Христ. Чтен.“ 1882 г. т. II, стр. 745—749.

⁶⁰⁾ „Р. С.“ Сентябрь 94; 220.

⁶¹⁾ Ibid. Февр. 95. 189; ср. также „Арх. Фотій“ Е. П. Карновича въ „Рус. Ст.“ 1875: XIII; 301; назван. статью.

⁶²⁾ „Р. С.“ Іюль 94, 213.

⁶³⁾ См. „Рус. Арх.“ 1868 г. „Записка о крамолахъ враговъ Россіи“, стр. 1377—1378.

⁶⁴⁾ Пыпинъ А, *op cit.* стр. 322.

⁶⁵⁾ Перечисленіе нѣкоторыхъ см. въ „Русск. Стар.“ Августъ 95; 172—183.

⁶⁶⁾ Сентябрь 94: 216.

Усиленная пропаганда мистицизма вскорѣ принесла свои замѣтные плоды: иностранный мистицизмъ вредно отразился на религіозно-нравственномъ состояніи русскаго общества. Прежде всего усилился интересъ ко всему иностранному въ прямой ущербъ для всего русскаго (на это жаловался и Грибоѣдовъ въ своей комедіи „Горе отъ ума“); въ качествѣ гувернеровъ и учителей приглашали иностранцевъ; многіе русскіе почти всю жизнь свою проводили за границей, такъ что даже забывали свой родной языкъ. „Коснуться обычаевъ въ сословіи благородныхъ страшно и ужасно. Большая часть живутъ какъ невѣрныя и язычники“: постовъ не соблюдаютъ ⁶⁷⁾, не только въ церковь не ходятъ, но во время богослуженія занимаются пирами, балами и театрами. Но и этимъ порча нравовъ не ограничивалась, — она коснулась и монастырей: столповое пѣніе замѣнено итальянскимъ; проповѣдь оставлена; богослуженіе стали сокращать: „дерзость до того дошла, что полунощницу вовсе на заутрени не читали въ Казанскомъ соборѣ; каѳізмы опускали въ монастырѣ“; много монастырей было закрыто ⁶⁸⁾.

Наконецъ, масонскимъ и вообще мистическимъ обществамъ не были чужды и политическія стремленія, конечно не согласовавшіяся съ существующимъ государственнымъ строемъ, а клонившіяся къ ущербу существующихъ порядковъ. А. Пыпинъ свидѣтельствуетъ, что „между ложами и начавшимися тогда тайными обществами явилась извѣстная связь“, и что со времени двѣнадцатаго года „въ масонствѣ, которое до сихъ поръ служило всего болѣе религіозной мистикѣ, является новое направленіе — политическій либерализмъ“ ⁶⁹⁾. Авторъ „Записки о крамолахъ враговъ Россіи“ ⁷⁰⁾ говоритъ о сектантахъ — мистикахъ, что они „усвоивъ себѣ духовную свободу, отвергаютъ всякую зависимость отъ закона, власти и правительства церковнаго и гражданскаго.... отвергаютъ обязанности исполнять всякія повинности государственныйя, платитъ подати и оброки, называя все это знаменіями царства антихристова... они всегда готовы пристать какъ къ внѣшнимъ, такъ и къ внутреннимъ врагамъ церкви“ ⁷¹⁾.

Та „новая религія“, о которой такъ часто говоритъ Фетій (называемая иначе религіей „духоносцевъ“) и по ученію которой

⁶⁷⁾ Въ полную противоположность этому г. Милопольскій ошибочно полагаетъ, будто нарушеніе постовъ въ эпоху Александра I, „считалось преступленіемъ“ (op. cit. стр. 16).

⁶⁸⁾ „Р. С.“ 1896 г. т. 87, стр. 186—192.

⁶⁹⁾ Op. cit. стр. 325—326.

⁷⁰⁾ „Р. Арх.“ 1868 г. стр. 1340.

⁷¹⁾ Ср. „Р. С.“ 96 г. т. 87, стр. 183—185.

„всякій христіанинъ есть свѣтильникъ, священникъ, царь, христосъ, сынъ Божій, свѣтъ, Богъ, и потому всякій можетъ совершать богослуженіе“ ⁷²⁾, эта религія проповѣдывала революцію ⁷³⁾,—она учила, что въ 1836 году наступитъ конецъ міра, всѣ царства упразднятся, а откроется новое царство съ столичнымъ городомъ Іерусалимомъ, и царство это будетъ продолжаться тысячу лѣтъ (очевидно, возобновлялся древній хиліазмъ).

Такимъ образомъ вреднаго вліянія масонства и вообще мистицизма отрицать нельзя: въ немъ, безспорно, были элементы, враждебные не только для религіозно нравственного, но даже и политическаго состоянія русскаго народа.

Конечно, вполне естественно было бы предположить, что въ защиту вѣры, религіи и церкви должно было подняться православное русское духовенство; оно должно было возвысить свой голосъ противъ масонства, его приверженцевъ и защитниковъ, должно было раскрыть русскому обществу глаза на весь тотъ вредъ, какой приносилъ съ собою мистицизмъ. Но дипломатическая осторожность, а отчасти и страхъ предъ сильными властью и государственнымъ положеніемъ своимъ руководителями мистицизма на многихъ налагали узду молчанія. Фотій жалуется на нихъ и говорить, что „многіе изъ духовныхъ лицъ, исполненные духа терпимости или вовсе не видѣли, или не хотѣли видѣть злобы вражіей на св. церковь и вѣру“ ⁷⁴⁾, и „иные, щадя себя, молчали, иные водимые честолюбіемъ всякою святынею готовы были всѣмъ пожертвовать, лишь бы на пути ихъ ничто не препаинало съ престола святительскаго на высшій престолъ перелетать“ ⁷⁵⁾. Самый Синодъ Фотій упрекаетъ за молчаніе ⁷⁶⁾. Впрочемъ бездѣйствіе Синода было не столько добровольное, сколько вынужденное: въ то время Синодъ былъ обезличенъ, потерялъ прежнюю свою власть и самостоятельность, а потому естественно не могъ проявить и противодѣйствія мистикамъ; „правила Синодомъ и прочими духовными дѣлами канцелярія министра духовныхъ дѣлъ“ ⁷⁷⁾. А. Н. Голицынъ образовалъ это министерство самъ для себя, а Св. Синодъ представлялъ изъ себя тогда только одинъ изъ департаментовъ этого министерства ⁷⁸⁾.

⁷²⁾ „Р. Арх.“ 1868 г. стр. 1348.

⁷³⁾ „Р. С.“ Ноябрь 95; 212.

⁷⁴⁾ Іюль, 94, 215.

⁷⁵⁾ Ibid. 225.

⁷⁶⁾ Ibid. 215.

⁷⁷⁾ Ibid. 220.

⁷⁸⁾ См. назв. ст. Жмакина („Хр. чт.“ 1882: II, 741).

Особенно Фотій горько сѣтуеть на Филарета, въ виду его учености, того уваженія, какимъ онъ пользовался, а слѣдовательно и того значенія, какое бы могли имѣть его голосъ и дѣятельность противъ мистицизма: Филаретъ и „на такомъ мѣстѣ былъ, съ такимъ умомъ и въ довѣріи ученыхъ, что ежели противу еретиковъ и ихъ явныхъ бунтовщиковъ правительства и церкви православныя мало возгласилъ, то бы всѣ академіи, семинаріи и общества учебныя могли съ нимъ же воззвать, и словомъ и дѣломъ нечестіе исчезло бы въ мгновеніе повсюду; но Филаретъ *молчалъ* ⁷⁹⁾“. Филаретъ „молчалъ“, потому что онъ не могъ говорить и дѣйствовать ни за мистицизмъ, ни противъ него. не могъ онъ говорить *за* мистицизмъ, потому что въ такой исторической формѣ мистицизмъ былъ безпорно чуждъ и враждебенъ православной вѣрѣ, чего, конечно, не могъ не понимать Филаретъ, отличавшійся, какъ извѣстно, въ высшей степени яснымъ и глубокимъ умомъ; но не могъ Филаретъ говорить и *противъ* мистицизма, такъ какъ это значило бы идти противъ тѣхъ лицъ, которымъ онъ былъ многимъ обязанъ и связями съ которыми, естественно, дорожилъ. Вотъ Филаретъ и „молчалъ“, — его дѣятельность была въ высшей степени осторожна и дипломатична: „можетъ быть онъ втайнѣ и чаялъ дѣлать, что благо, по вещию никогда не успѣлъ явить“ ⁸⁰⁾.

VIII.

Вотъ въ это-то „лютое время охладѣнія и невниманія многихъ о вѣрѣ истинной и ученіи Божіемъ“ ⁸¹⁾ Фотій рѣшилъ

⁸¹⁾ Ibid. 220.

выступить противъ мистицизма, не взирая на все то неравенство силъ и различіе положеній, въ какихъ находился онъ и его противники.

Еще на академической скамѣ Фотій заявилъ себя прямымъ и положительнымъ врагомъ мистическихъ книгъ. Въ бытность учителемъ ему пришлось познакомиться съ нѣкоторыми масонскими книгами, но онѣ произвели на него опять таки отталкивающее впечатлѣніе: въ толкованіи на Апокалипсисъ Штиллинга онъ „видѣлъ явно противность, отступничество отъ вѣры, лжепорочество, нечестіе всякаго рода“. При чтеніи другой мисти-

⁷⁹⁾ „Р. С.“ Февраль 95, 195.

⁸⁰⁾ Іюль 94, 219.

ческой книги „Путь ко Христу“ Іакова Бема Фотій „вмѣсто мира въ душѣ своей ощутилъ не миръ, а брань духовную и смущеніе духа, мракъ и тьму вмѣсто свѣта“; чтеніе этой книги и закончилось тѣмъ, что онъ „плюнулъ на книгу сію и бросилъ ее на полъ“, составивъ объ ней слѣдующее окончательное мнѣніе: „ученіе въ книги сей Іакова Бема есть ученіе волшебства и премудрость земна, душевна бѣсовская“⁸²⁾. Изъ недовольства мистицизмомъ Фотій вскорѣ перешелъ въ прямое противодѣйствіе ему. „Явный потокъ зловѣрія и нечестія, разливающейся чрезъ ложи масонскія, чрезъ секты, расколы и книги и прочіе соблазны, прободали душу о. Фотія; чѣмъ пастыри и учителя церкви были хладнокровнѣе ко всему, власти невнимательнѣе, тѣмъ ревность благочестивая его болѣе снѣдала“⁸³⁾. Въ качествѣ законоучителя кадетскаго корпуса, Фотій рѣшительно объявилъ себя прямымъ врагомъ моднаго и сильнаго мистицизма: онъ приносилъ въ классъ масонскія книги, читалъ и разбиралъ ихъ здѣсь, а потомъ или сожигалъ, или разрывалъ ихъ, провозглашая „анаѹему“. Возставалъ онъ противъ мистицизма и въ своихъ, произносимыхъ въ церкви кадетскаго корпуса, проповѣдяхъ, словомъ онъ ратовалъ всюду: „въ св. церкви, въ классахъ, на дорогахъ, въ келіи своей и гдѣ случай ему былъ“⁸⁴⁾. Фотій „взывалъ, что вѣра масонская есть антихристова, и ученіе есть все и писаніе отъ діавола, едино вольнодумство, и всѣ преданные лжи вольнодумцы, чада антихриста, ученики діавола“⁸⁵⁾. Станнымъ диссонансомъ прозвучалъ этотъ дерзкій обличительный голосъ. Расходясь по домамъ, кадеты разносили по столицѣ слухъ о молодомъ монахѣ, осмѣлившемся враждебно отнестись къ масонству. Само собою понятно, что столь необычное явленіе начало обращать на личность Фотія общее вниманіе—приверженцевъ мистицизма за его дерзость, а тайныхъ враговъ мистицизма (не осмѣливавшихся прямо и открыто высказать свое осужденіе) за его смѣлость и благородство дѣйствій. Эта борьба Фотія не дешево обошлась ему: вѣдь онъ выступалъ одинъ, безъ всякой помощи, поддержки и защиты. Поступокъ Фотія казался на столько необычнымъ и поразительнымъ, что „даже Інноцентій (самый близкій и расположенный къ Фотію человекъ) былъ

⁸²⁾ „Р. С.“ Май 94; 105—107.

⁸³⁾ Сентябрь, 227.

⁸⁴⁾ Іюль, 214.

⁸⁵⁾ Ibid. 225.

противу его вооружень“⁸⁶⁾. При этой борьбѣ Фотія особенно смущала та мысль, что онъ, за истинное ученіе о Господѣ и исповѣдничество Христово, яко за дерзость, удобно можетъ лишиться званія, сидѣть въ темницѣ, быть даже въ заточеніи гдѣ либо“⁸⁷⁾. Вскорѣ поборники мистицизма начали принимать свои мѣры по отношенію къ Фотію. Могущественный Лабзинъ вооружилъ противъ Фотія нѣкоторыхъ духовныхъ лицъ, а когда это не помогло,—онъ измѣнилъ тактику, и началъ стараться „разными образами вовлечь его въ секту свою подъ предлогомъ чести и отличій“, ⁸⁸⁾ Лабзинъ старался подѣйствовать на честолюбіе Фотія, такъ какъ этотъ маневръ въ большинствѣ случаевъ Лабзину вполне удавался и изъ человекоугодія и по честолюбію многія духовныя и сановитыя лица участвовали въ обществѣ Лабзина ⁸⁹⁾. Но по отношенію къ Фотію и это не помогло. Тогда масоны стали прямо грозить Фотію лишеніемъ жизни, но Фотій, вспоминая мучениковъ и исповѣдниковъ, „положилъ крѣпко подвизаться одинъ, никого не бояться, заранѣе себя приуготовлялъ къ терпѣнію“⁹⁰⁾. „Но искушеніе Фотія этимъ не окончилось: по городу и по корпусу разнеслись слухи, будто Фотій сошелъ съ ума; директоръ корпуса А. И. Маркевичъ хотѣлъ удалить Фотія изъ корпуса, выставляя его человекомъ не знающимъ и малоумнымъ“⁹¹⁾. И вотъ митр. Петербургскій Михаилъ четыре раза призываетъ къ себѣ Фотія съ цѣлью испытать его, въ своемъ ли онъ умѣ, и убѣдившись въ этомъ, онъ совѣтуетъ Фотію прекратить обличеніе масонства, такъ какъ Голицынъ можетъ сослать его въ Сибирь; Фотій отвѣчалъ: „не боюсь ни князя, ни царя. Буду всѣхъ обличать не о грѣхахъ, а о нечестіи, неправдѣ и нераскаяніи, что отступили отъ вѣры св. отецъ и уклонились многіе въ стези сопротивныя и лукавыя“⁹²⁾. Твердость и непреклонность Фотія удивили митрополита. Инокентій же скорѣ измѣнилъ свое двусмысленное отношеніе къ мистицизму, положительно перешелъ на сторону Фотія и сталъ въ прямую оппозицію масонству, за что въ скорости и поплатился: какъ цензоръ, онъ пропустилъ въ печать книгу Е. Ста-

⁸⁶⁾ Ibid. 220.

⁸⁷⁾ Ibid. 221.

⁸⁸⁾ Сентябрь, 228.

⁸⁹⁾ Ibid. 216.

⁹⁰⁾ Июль, 221.

⁹¹⁾ Ibid. 209.

⁹²⁾ Ibid. 228.

невича „Бесѣда надъ гробомъ младенца“, гдѣ обличались заблужденія мистическихъ книгъ, а особенно книги Дю-Туа „Божественная и христіанская философія“. По распоряженію Голицына книга эта, по выходѣ изъ печати, была немедленно же отобрана, и по его же старанію, Иннокентію былъ объявленъ высочайшій выговоръ за пропускъ этой книги, будто бы не согласной съ ученіемъ Символа. А вскорѣ послѣ этого Голицынъ „повелѣлъ удалить Иннокентія, т. е. послать, яко преступника, изъ етолицы на епархію послѣднѣйшую—въ Оренбургъ“. И лишь по заступничеству кн. Софьи Мещерской, которую Государь очень уважалъ, Иннокентій былъ назначенъ не въ Оренбургъ, а въ Пензу ⁹³⁾. Тяжело отразилась эта ссылка на Иннокентія; уныніемъ и сознаніемъ своего безсилія дышутъ слова его письма къ Фотію написаннаго (1819) изъ Пензы: „что наши съ тобой усилія, если не усилія напряженной руки младенца сдвинуть стѣну, состроенную многими вѣками, строенную многими милліонами, поддерживаемую многими подпорами, хотя впрочемъ стѣну Вавилонскую?“ ⁹⁴⁾.

Вскорѣ дошла очередь и до Фотія: его враги достигли таки его удаленія не только отъ законоучительства въ кадетскомъ корпусѣ, но и изъ Петербурга. Обстоятельства этого удаленія были слѣдующія. Строгая монашеская жизнь, постоянные труды и безпокойства такъ вредно отразились на слабомъ вообще здоровьѣ Фотія, что отслуживши на первый день Пасхи 1820 г., Фотій рѣшительно слегъ въ постель, и думалъ, что ужъ не будетъ въ состояніи встать и произнести въ Казанскомъ соборѣ въ опредѣленный день назначенное ему слово. Немного оправившись, хотя и слабый еще отъ болѣзни, Фотій отправился въ назначенный день говорить слово; это было 27 апр. 1820 г. Въ числѣ слушателей была графиня Анна Алексѣевна Орлова-Чесменская, которая впослѣдствіи принимала такое важное участіе въ жизни Фотія ⁹⁵⁾. Вскорѣ послѣ этого Фотій опять за-

⁹³⁾ Г. Миропольскій (ср. cit. 52—53) считаетъ также назначеніе Иннокентія въ епископа и удаленіе изъ Петербурга за наказаніе. Между тѣмъ Н. В. Сушковъ (см. „О записк. юр. арх. Фотія“, Москва 1869; стр. 4, оттискъ изъ „Чтен. въ общ. ист. и др. рос.“) смѣется надъ этою „логикой Фотія“, по которой „епископство—предлогъ къ ссылкѣ и наказанію“; причемъ перемѣщеніе Иннокентія съ Оренбургской епархіи на Пензенскую Сушковъ, вопреки запискамъ Фотія и Миропольскому, считаетъ дѣломъ не княгини С. Мещерской, а Филарета.

⁹⁴⁾ „Р. Арх.“ 1868 г. стр. 945.

⁹⁵⁾ „Р. С.“ Сентябрь 94. 127—131.

болѣлъ, такъ что цѣлый мѣсяцъ не могъ встать съ постели. Между тѣмъ слово Фотія, направленное противъ масонства, произвело большое впечатлѣніе и породило множество толковъ. Канцелярія Голицына потребовала отъ Фотія его слово; но онъ не далъ. Слѣдствія этого не замедлили обнаружиться: „лишь Фотій получилъ облегченіе, наступаетъ день ему его удаленія изъ Петербурга, по вліянію тайныхъ обществъ враговъ, всѣхъ недоброжелателей, ненавидѣвшихъ его за православіе ⁹⁶⁾).

Прибывъ однажды къ митр. Михаилу для оправданія, Фотій получилъ отъ него предложеніе отправиться въ Новгородъ настоятелемъ Деревяницкаго монастыря; Фотій отвѣтилъ: „съ радостью готовъ есмь во игумена, ибо не противно въ Деревяницахъ мѣсто моему спасенію: спасти душу можно и тамъ“ ⁹⁷⁾. Но Фотій былъ такъ бѣденъ, что на новое мѣсто своего назначенія не могъ отправиться иначе, какъ только пѣшкомъ, но и этого онъ не могъ сдѣлать, ибо не вполне оправился отъ болѣзни. Ходилъ было онъ къ митрополиту просить казенной помощи, и Михаилъ первоначально пообѣщалъ, но послѣ ничего не сдѣлалъ. Помогли ему неизвѣстные благотворители. Очевидно его ревность противъ мистицизма не была безрезультатна: она пробудила къ нему симпатію нѣкоторыхъ лицъ, которыя и оказали ему матеріальное пособіе, оставаясь сами въ неизвѣстности. Эти симпатіи проявлялись еще и раньше. Такъ на первый день Пасхи этого года, когда Фотій больной лежалъ въ своей келіи, неизвѣстный благотворитель прислалъ ему 235 р. Такъ точно и теперь при стѣснительныхъ обстоятельствахъ Фотія неизвѣстные благотворители оказали ему такую щедрую матеріальную поддержку ⁹⁸⁾, что Фотій получилъ возможность даже привести съ собою въ монастырь и богатый подарокъ ⁹⁹⁾.

Е. Шیانовъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

⁹⁶⁾ Ibid. 136—137.

⁹⁷⁾ Ibid. 138.

⁹⁸⁾ Ibid. 129. Г. Милопольскій полагаетъ (op. cit. 587), будто эта благотворительность къ Фотію исходила отъ граф. Орловой, „благодаря проповѣди Фотія въ Казанскомъ Соборѣ“. Но что касается собственно денегъ, присланныхъ Фотію къ Пасхѣ, то полагать, что они доставлены были Орловой, значило бы впасть въ хронологическую ошибку: деньги были присланы не послѣ, а до проповѣди.

⁹⁹⁾ Ibid. 139—141.

І. Христова, новаго Іерусалима, смиренный Никонъ, Божією милостію патріархъ. А кто восхощетъ ю усвоити, якоже Ахаръ, сынъ Харміевъ, или утаитъ, якоже Ананія и Сапфира; да отыметъ отъ него Господь Богъ святую свою милость, и да затворитъ двери святыхъ щедротъ своихъ, и да прійдетъ на него не благословеніе и клятва, и казнь Божія душевная и тѣлесная въ нынѣшнемъ вѣцѣ, и въ будущемъ вѣчная мука. А кто писаніе сіе какимъ злымъ умышленіемъ испишетъ отъ книгъ ея; да испишетъ его имя Господь Богъ отъ книги животныя“ ²³⁾. Очевидно, Никонъ дорожилъ этою книгою, какъ богатымъ сокровищемъ, какъ трудомъ рукъ своихъ и плодомъ своего ума и сердца.

Кромѣ поименованныхъ сочиненій Никону приписываютъ еще: канонъ молебень о соединеніи вѣры православныя, и молебнеспѣніе о умиреніи церкви святыхъ восточныхъ, слово къ читателямъ о крестномъ изображеніи, и брашно духовное, сирѣчь псалмы, молитвы, каноны и проч. собранные отъ многихъ св. книгъ, „зѣло нужныя и душеспасительныя“ ²⁴⁾.

Протоіерей П. Тихомировъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Юрьевскій архимандритъ Фотій.

(Продолженіе).¹⁾

IX.

16 сентября 1820 г. Фотій прибылъ въ Деревяницкій монастырь, который находился въ крайней бѣдности, нищетѣ и запустѣніи. Вообще въ тѣ три монастыря, настоятелемъ которыхъ состоялъ Фотій, — а именно поименованный Деревяницкій,

²³⁾ Журн. минис. нар. просвѣщ. ч. LXIV, отд. II, стр. 35.

²⁴⁾ Жизнеоп. Никона, сост. архим. Аполл. стр. 43: слов. о писателѣ, чина въ статьѣ о патр. Никонѣ.

¹⁾ См. «Новг. Епарх. Вѣд.» № 17-й.

Сковородскій (куда онъ былъ назначенъ съ 29 января 1822 г., когда кромѣ того онъ былъ произведенъ преосвященнымъ Сильвестромъ въ архимандрита) и наконецъ Юрьевскій (съ 21 авг. 1823 г.)—были одинъ другого бѣднѣе, одинъ другого пустыннѣе. Но въ умѣлыхъ рукахъ Фотія и при самыхъ щедрыхъ благотвореніяхъ Орловой всѣ эти монастыри, вскорѣ послѣ того какъ въ нихъ поселялся новый настоятель—Фотій, совершенно измѣняли свой видъ и становились не узнаваемыми. Орлова посылала сюда цѣлыми обозами хлѣбъ, крупу и вообще всѣ жизненные припасы для братіи; ладонъ, свѣчи и вино для богослуженія; желѣзо, краски и другіе матеріалы для возобновленія монастырскихъ зданій; кромѣ того она жертвовала и наличными деньгами десятки и сотни тысячъ. Послѣ этого не удивительно, если дѣятельность Фотія сопровождалась такими поразительными успѣхами, о которыхъ говоритъ митрополитъ Серафимъ въ письмѣ къ Аракчееву: „обветшалые, безмолвные, почти заключенные храмы огласились пѣснями благоустроенныхъ ликовъ; вмѣсто запустѣнія благолѣпіе, вмѣсто скудости возникло довольство, вмѣсто крайняго безлюдія образовалось многочисленное братство; вмѣсто неустройства возродились порядокъ и благочиніе“¹⁰⁰⁾.

Тихою монастырскою жизнью Фотій былъ доволенъ, такъ какъ она соотвѣтствовала его врожденнымъ монашескимъ склонностямъ. „Послѣ суетной и шумной столичной жизни ему бѣдное, и уединенное, тихое житіе въ Деревяницахъ показалось быть рай Гожій, братія и чада въ ней яко ангели: все утѣшало, все увеселяло по Бозѣ.“¹⁰¹⁾—Фотій предался любимымъ аскетическимъ подвигамъ. Аскетъ еще до монашества, Фотій по принятіи монашества еще усилилъ свои аскетическіе подвиги: онъ надѣлъ власяницу, а потомъ надѣлъ „и носилъ на себѣ по нагому тѣлу“ вериги; теплой одежды не надѣвалъ даже въ морозы: „обычнаго питія, чая сквернаго, сего поганнаго идоложертвеннаго общенія не имѣлъ и сосудовъ даже для теплоты не имѣлъ въ кельи“¹⁰²⁾. Отъ этихъ постоянныхъ подвиговъ Фотія съ нимъ случилась болѣзнь: „грудь его изгнила едва не вся, и онъ былъ въ великой опасности смертной“; болѣзнь грозила мгновенной смертью, если нарывъ, прогнивъ, пойдетъ не наружу, а внутрь; призванный „врачъ за нужное находилъ рѣзать кожу и мясо на груди его“. Фотій на это не сразу согласился; онъ сначала

¹⁰⁰⁾ „Р. Арх.“ 1868 г. стр. 947.

¹⁰¹⁾ „Р. С.“ Февраль 95; 176.

¹⁰²⁾ Іюль 94, 207.

приложилъ къ груди „самыя ѣдкія лѣкарства“, которыя бы растравили кожу и мясо, чтобъ нарывъ такимъ образомъ прорвало наружу. Потомъ Фотій самъ пытался въ келіи разрѣзать себѣ грудь, но „колько рѣзалъ, толико рука его дрожала, жалость къ плоти своей не допускала во всю глубину ножъ впускать рѣзать“. Только послѣ этихъ неудачныхъ попытокъ Фотій позволилъ врачу дѣлать надъ собою операціи. Первая операція была произведена 3 іюля 1821 г.; нагноеніе въ груди оказалось громадное: „отъ середины груди съ лѣвой стороны отъ сосца чрезъ всю грудь, и на мѣсто праваго сосца и далѣе, и бокъ правый ниже груди—все едина язва, единс мѣсто загноенія, и яко мѣхъ пустой было“. Терпѣніе и выносливость Фотія при этомъ были по истинѣ удивительныя, возможные только для человѣка съ такою желѣзною волею, какою отличался Фотій. „Фотій смотрѣлъ на плоть свою терзаемую и терпѣлъ помышляя, что мученики и не такія рѣзанія терпѣли, какъ образъ терпѣнія явившіе въ себѣ“. Операція была повторена еще два раза. Слѣдствія этого остались на всю жизнь Фотія: вполнѣ рана уже никогда не закрывалась; отъ этого Фотій сталъ въ высшей степени чувствителенъ къ атмосфернымъ перемѣнамъ и холода совсѣмъ не могъ выносить, ¹⁰³⁾), такъ что онъ впоследствии даже въ маѣ и іюнѣ ходилъ въ двухъ шубахъ.

X.

Но устроая ввѣренныя ему монастыри, предаваясь своимъ любимымъ аскетическимъ подвигамъ, Фотій въ то же время не оставлялъ и своей прежней борьбы съ мистицизмомъ,—онъ поддерживалъ ее, насколько это было возможно ему въ его удаленіи отъ столицы. Впрочемъ теперь борьба Фотія приняла болѣе косвенный, чѣмъ прямой видъ: Фотій поддерживалъ оживленную переписку съ нѣкоторыми лицами въ Петербургѣ и побуждалъ ихъ стоять противъ масоновъ. Изъ такихъ лицъ Фотій поддерживалъ переписку съ кн. Софіей Мещерской, „какъ имѣющей вліяніе на царя-императора“, и съ своей духовной дочерью—Анной Алексѣевной Орловой, внушая ей, чтобъ она, какъ камеръ-фрейлина, часто бывая во дворцѣ, не упускала бы случая внушать о вредѣ сектъ для православной церкви и русскаго правительства ¹⁰⁴⁾).

¹⁰³⁾ Февраль 95: 180—186.

¹⁰⁴⁾ Ibid. 191.

На этотъ разъ обстоятельства измѣнились въ пользу Фотія: защищаемое имъ дѣло стало пріобрѣтать все большіе и большіе размѣры а вмѣстѣ съ этимъ—естественно—усиливалось и значеніе главнаго и неумоимаго ратоборца за это дѣло—Фотія. Такая переменна обстоятельство объясняется тѣмъ, что императоръ Александръ І-й, какъ мы уже имѣли случай замѣтить, покровительствовалъ раньше мистицизму, теперь рѣшительно измѣнилъ свое отношеніе къ нему и сталъ проявлять замѣтное сочувствіе къ православію. Вслѣдствіе этого г-жѣ Криднеръ было вскорѣ запрещено отъ государя дѣлать собранія, а потомъ было велѣно и вовсе удалиться изъ Петербурга; Татаринова была удалена изъ Михайловскаго дворца. Новый митрополитъ Серафимъ, заступившій мѣсто умершаго Михаила, съ первыхъ же шаговъ заявилъ себя гораздо болѣе твердымъ и рѣшительнымъ противникомъ мистической партіи, чѣмъ Михаилъ: онъ „не поѣхалъ на поклоненіе Р. Кошелеву, коему приписывали многіе ученые и архіереи своего счастья полученіе, каковы были; Іона архіепископъ Тверскій, членъ Св. Синода, Филаретъ Московскій, Дмитрій Кишиневскій. Они, какъ идолу, поклонялись сему лукавому человѣку“ 105). Вотъ теперь вспомнили и про Фотія: „на день Пасхи (1822) присылается крестъ самый драгій на персяхъ носить, также присылается ему сумма значительная, дабы явился немедленно въ градъ Св. Петра, изъ коего былъ прежде изгнанъ безславно“ 106). 22-го апрѣля 1822 года Фотій явился въ Петербургъ и немедленно былъ приглашенъ къ митрополиту Серафиму; послѣ этого и многія другія высокопоставленные лица стали приглашать Фотія къ себѣ на домъ для бесѣдъ о вѣрѣ и мистицизмѣ; популярность Фотія росла, онъ началъ пріобрѣтать все большее и большее значеніе. Силу и значеніе Фотія почувалъ и Голицынъ, главный покровитель и опора мистицизма въ Россіи и захотѣлъ познакомиться съ Фотіемъ; первая встрѣча ихъ состоялась при освященіи церкви во имя Св. Духа; Голицынъ пригласилъ къ себѣ Фотія. Фотій послѣ этого сталъ часто видѣться съ Голицынымъ и велъ съ нимъ продолжительныя бесѣды. Повидимому, искренняя и твердая дружба установилась между этими двумя, совершенно противоположными и по своему характеру, и по своему направленію, лицами—Фотіемъ и Голицынымъ: „Голицынъ возлюбилъ Фотія и хотѣлъ его чаще слушать бесѣду... Князь радъ былъ все дѣлать, что

105) Ibid. 193.

106) Ibid. 197.

Фотій внушалъ “; 107) „все“, что только не касалось его мистическихъ убѣжденій и покровительства мистицизму. Голицынъ захотѣлъ представить Фотія государю, и хотя Фотій первоначально отказывался, но Голицынъ настоялъ и Фотию была назначена аудіенція. продолжавшаяся полтора часа; Фотій бесѣдовалъ съ государемъ о св. церкви, вѣрѣ и спасеніи души, а также о вредѣ усилившагося сектанства. На мягкаго и кроткаго Александра суровый и строгій Фотій произвелъ сильное впечатлѣніе, притомъ разговоръ Фотія съ царемъ былъ чуждъ приниженности и раболѣпства, а скорѣе напротивъ того—онъ былъ исполненъ независимости и даже въ нѣкоторой мѣрѣ властности (черта, вообще присущая Фотию),—что невольно заставляло прислушиваться къ рѣчамъ Фотія и обращать вниманіе на то, что онъ говорилъ. Послѣ этого съ Фотиемъ захотѣла повидаться вдовствующая императрица Марія Ѳеодоровна; Фотій видѣлся съ нею въ Царскомъ Селѣ. И въ этомъ случаѣ Фотій не преминулъ говорить о своей завѣтной мысли и желаніи 108). Что бесѣда Фотія съ царемъ не прошла безслѣдно,—это подтвердили вскорѣ послѣдовавшія за симъ обстоятельства: 1-го августа въ знакъ высочайшаго вниманія Фотию былъ пожертвованъ драгоцѣнный алмазный крестъ, а министру внутреннихъ дѣлъ графу В. П. Кочубею въ то же время былъ данъ высочайшій указъ, по которому всѣ ложи масонскія закрывались, а ихъ участники обязывались подпискою новыхъ тайныхъ обществъ не составлять. При всемъ своемъ нежеланіи даже столпы масонства—Лабзинъ въ Петербургѣ и Николай Дьяковъ въ Москвѣ дали письменное обязательство оставить свои замыслы и дѣятельность 109).

Такимъ образомъ Фотій добился осуществленія первой своей цѣли: масонскія ложи были закрыты. Но желанія Фотія этимъ не исчерпывались и его планы на этомъ не останавливались. Узнавъ о своемъ вліяніи на царя, Фотій захотѣлъ воспользоваться этимъ вліяніемъ для осуществленія своихъ дальнѣйшихъ цѣлей. А цѣли эти были довольно широки и смѣлы: Фотій захотѣлъ возратить Синоду его самостоятельность, а для этого прежде всего необходимо было упразднить министерство духовныхъ дѣлъ, столь обидное и унижительное для Синода; далѣе, такъ какъ въ рукахъ кн. Голицына было сосредоточено слишкомъ много власти, и при извѣстномъ характерѣ своихъ убѣжде-

107) Ibid. 136—137.

108) Ibid. 205—211.

109) Ibid. 214—216.

ній, эту власть онъ могъ легко употребить во зло и во вредъ православной церкви, то Фотій захотѣлъ ограничить власть и права Голицына; наконецъ, Фотій желалъ добиться закрытія столь ненавистнаго ему Библейскаго Общества и запрещенія — русскаго перевода Библии. Планъ, какъ видно, насколько широкій, настолько же и смѣлый; для его выполненія требовалось не только много труда, но, что всего важнѣе, необходимо было имѣть громадное вліяніе на государя. И однакоже всѣ эти предначертанія (кромѣ послѣдняго) Фотій успѣлъ осуществить.

Состоя въ близкихъ отношеніяхъ къ Голицыну, Фотій первоначально пытался совѣтомъ и увѣщаніемъ отворать его отъ прежняго образа мыслей, и дѣйствій, — онъ внушалъ ему о вредѣ для православной церкви дѣятельности Госнера и другихъ сектантовъ; убѣждалъ Голицына, чтобы онъ оказалъ пособіе Серафиму въ его борьбѣ съ мистиками, и доложилъ бы императору обо всемъ. „Но примѣтилъ Фотій, что устами кн. Голицына чтеть Христа, служителей Его и вѣру, а сердце его далече отстоитъ, и что явно есть онъ, Голицынъ, всему виновникъ“¹¹⁰⁾; у Голицына была даже мысль удалить Серафима, и конечно, онъ ничего не предпринималъ для пресѣченія того зла, на которое ему указывалъ Фотій, а напротивъ того, по-прежнему оказывалъ помощь, содѣйствіе и поддержку всѣмъ мистическимъ сектамъ. Тогда Фотій рѣшилъ измѣнить свой образъ дѣйствій по отношенію къ Голицыну, такъ какъ увидѣлъ, что любовью ничего отъ него нельзя было взять. Фотій рѣшилъ употребить въ дѣло ту силу, какая была у него въ рукахъ, а сила эта теперь была уже довольно значительна: подобно тому, какъ вокругъ Голицына группировалось и за него держалось все то, что сочувствовало мистицизму, такъ возлѣ Фотія, какъ возлѣ центра, начала образовываться партія ревнителей православія. Къ этой партіи Фотія принадлежали: прежде всего конечно гр. Орлова (а ея значеніе при дворѣ было очень не маловажно), потомъ кн. С. Мещерская, Дарья Державина (супруга поэта), Ольга Дружинина; П. А. Ниловъ, М. А. Барановъ съ супругою; протоіерей Петропавловскаго собора Стахія, архимандритъ Товія, архіепископъ Симеонъ¹¹¹⁾. Потомъ къ этому кружку присоединились: митрополитъ Серафимъ, Ѳеодоръ Уваровъ, тридцати-лѣтній любимецъ императора и начальникъ гвардіи; И. В. Гладкій, петербургскій оберъ-полиціймейстеръ любимецъ Уварова;

¹¹⁰⁾ Августъ, 171.

¹¹¹⁾ Сентябрь 94: 230.

А. А. Павловъ; Магницкій; гр. Аракчеевъ; потомъ сюда же пристали: новый министръ просвѣщенія А. С. Шишковъ и директоръ его канцеляріи кн. П. Ширинскій-Шихматовъ 111). Партія, какъ видно изъ состава лицъ, образовалась довольно могущественная; но главную силу этой партіи давало то обстоятельство, что взгляды государя на мистицизмъ измѣнились, а слѣд. измѣнились и отношенія; отъ этого партія Голицына сама собою начала падать, а партія Фотія возвышаться и укрѣпляться; кромѣ того Фотію много способствовало его личное знакомство съ государемъ, и то вліяніе, какое онъ пріобрѣлъ на него.

Послѣ этого Фотій смѣлѣе пошелъ къ осуществленію своихъ цѣлей и плановъ. Такъ какъ попытка Фотія убѣдить Голицына добровольно измѣнить свой образъ дѣйствій не привела ни къ чему, то Фотій началъ „дѣйствовать обличительно“: онъ сдѣлалъ выписки изъ 12-ти мистическихъ книгъ, параллельно съ которыми (выписками) представилъ свои критическія замѣчанія. Относительно этихъ замѣчаній Фотія надо сказать, что они не отличаются не ученостью, ни научностью, не обнаруживаютъ ни особаго философскаго или психологическаго анализа въ авторѣ, ни обладанія основательными историческими познаніями (что особенно замѣтно въ критическихъ замѣчаніяхъ на первую книгу „Мученики“ изд. 1816 г.), — замѣчанія эти представляютъ собою просто лишь констатированіе извѣстной вредной „еретической“ мысли, отступленіе ея или отъ православія, или отъ христіанства или вообще отъ вѣры (гдѣ наприм. проводятся пантеистическія и матеріалистическія мысли) 112). Эту записку Фотій передалъ государю черезъ Уварова; — этимъ путемъ и всегда передавалъ онъ свои писанія императору; вмѣстѣ съ запиской Фотій передалъ „посланіе“ императору; всѣхъ такихъ „посланій“ Фотій въ разное время передалъ государю *пять*. Во всѣхъ этихъ „посланіяхъ“ и содержаніе и приемы почти одни и тѣ же, лишь съ самыми незначительными и при томъ неважными отклоненіями. Во всѣхъ посланіяхъ Фотій развиваетъ однѣ и тѣ же мысли — о вредѣ масонства — этой новой ереси, а всѣ ереси — отъ діавола 113); въ Библейскомъ Обществѣ и въ переводѣ Библии на русскій языкъ Фотій видитъ интриги политическихъ враговъ Россіи, избравшихъ для погубленія Россіи именно этотъ путь, подготовляющихъ въ Россіи революцію и уже составившихъ

112) „Р. С.“ 1896 г. т. 87, стр. 176—180.

113) Августъ 95: 172—183.

114) Ноябрь, 210—211.

„планъ раззоренія Россіи“; этой же революціи содѣйствуютъ вызванные въ Россію иностранцы—мистики, равно готовятъ ее своею дѣятельностью и Голицынъ. вмѣстѣ съ этимъ Фотій предлагаетъ государю и тѣ мѣры, какъ остановить революцію, спасти Россію и православную вѣру; мѣры эти слѣдующія: 1) закрыть министерство духовныхъ дѣлъ и отнять отъ Голицына два другія; 2) Библейское Общество закрыть; 3) Синоду дать прежнія права, составъ и полномочія; 4) „Кошелева удалить, Госнера выгнать, Феслера также и методистовъ выслать хотя главныхъ“¹¹⁵⁾. Фотій особенно распространяется о томъ вредѣ, какой приноситъ Голицынъ, совмѣщающій въ своихъ рукахъ слишкомъ много власти: „черезъ тройное министерство въ рукахъ одного всѣ ереси и духъ реформы и революціонный такъ сильно и быстро распространяются, что въ ужасъ многихъ приводятъ“¹¹⁶⁾. Въ этихъ посланіяхъ Фотій нерѣдко взываетъ къ царю: „ужели Ты за слово и дѣло Божіе не вступишься?.... Призри, защити церковь, вѣру и спаси вся“¹¹⁷⁾.

При личныхъ свиданіяхъ съ государемъ Фотій употреблялъ всѣ свои силы, чтобы вліять на него и расположить къ осуществленію указанныхъ мѣръ; онъ „не унывалъ побуждать царя всячески къ скорѣйшему дѣйствію“¹¹⁸⁾. Къ такому же дѣйствію на государя Фотій побуждалъ и митр. Серафима; и митрополитъ, вообще слабый, робкій, нерѣшительный, поддавался настояніямъ Фотія, и проявлялъ такую рѣшительность, какой самъ по себѣ онъ никогда бы не проявилъ: онъ такъ настоятельно требовалъ отъ государя удаленія Голицына, что предлагалъ государю одно на выборъ: или удалить Голицына, или же онъ, Серафимъ, отказывается отъ своего поста¹¹⁹⁾.—Дружные дѣйствія Фотія и его партіи увѣнчались успѣхомъ: Фотій достигъ осуществленія *всѣхъ* своихъ цѣлей, хотя правда и не сразу. Такъ, прежде всего Александръ не принялъ Р. Кошелева, пріѣхавшаго къ нему на первый день Пасхи¹²⁰⁾; потомъ административнымъ порядкомъ Госнеръ былъ высланъ изъ Россіи¹²¹⁾. А вскорѣ послѣ этого послѣдовало и паденіе Голицына. Этому особенно способствовала произнесенная Фотіемъ Голицыну анаѰема.

¹¹⁵⁾ Декабрь, 196.

¹¹⁶⁾ Ibid. 202. Ср. „Р. А.“ 1868; стр. 1384—1386.

¹¹⁷⁾ „Р. С.“ 96 г. т. 87, стр. 183.

¹¹⁸⁾ „Р. С.“ 96 г. т. 87; 435.

¹¹⁹⁾ Ноябрь 95, 230—231.

¹²⁰⁾ Ibid. 213.

¹²¹⁾ Ibid. 233.

Личное свиданіе Фотія съ Голицынымъ, закончившееся такимъ громкимъ финаломъ, происходило въ домѣ Орловой; Фотій обличалъ Голицына: Голицынъ съ гордостью и самоувѣренностью отвѣчалъ, что никто противъ него ничего не сдѣлаетъ; Фотій на это отвѣтилъ: „се, судъ Божій изрекаю на тебя единъ, когда тебя вси ублажаютъ за нечестіе: много ли васъ? Тьмы ли темъ безчисленные? Но поразить васъ Господь Богъ всѣхъ, и поразить вскорѣ. Анаѡема!“ Слухъ объ этомъ, конечно, вскорѣ разнесся по всей столицѣ, чему не мало способствовалъ и самъ Голицынъ, рассказывая о случившемся и подавши государю на Фотія жалобу „великую и многую“ ¹²²⁾. Фотій за этотъ рѣзкій свой поступокъ съ Голицынымъ подвергся выговору отъ императора; но сказалъ, что предалъ Голицына анаѡемъ изъ ревности по Богѣ и царѣ: „аще бы не токмо кн. Голицынъ, но ангелъ съ небесе пришелъ и глаголалъ мнѣ противно благовѣрію Христову, слову святыхъ и ученію церкви, я ему бы сказалъ: анаѡема.... Всякому, зло на Бога и царя глаголющему, азъ бы сказалъ: анаѡема, да не соблазнить другихъ и зло не сотворить“ ¹²³⁾. Конечно, держать Голицына послѣ этого было совершенно невозможно; 15 мая 1824 г. въ день Вознесенія Господня государь „далъ свое высочайшее повелѣніе не токмо уволить кн. Голицына отъ Св. Синода, но министерство духовныхъ дѣлъ онымъ уничтожено вовсе, отъ министерства просвѣщенія онъ отрѣшенъ, и прочія чести многія отъ него отняты“ ¹²⁴⁾; министромъ народнаго просвѣщенія былъ назначенъ А. С. Шишковъ. „Нечестіе пресѣклось, армія богохульная діавола паде, ересей и расколовъ языкъ онѣмѣлъ, общества всѣ богопротивныя, якоже адъ, сокрушились... Нынѣ, я чаю, велія радость и на небесахъ“ — такъ писалъ Фотій (30 авг. 1824 г.) симоновскому архимандриту Герасиму, по случаю паденія Голицына ¹²⁵⁾. — Достигъ, наконецъ, Фотій и закрытія въ Россіи Библейскаго Общества, только уже закрытіе это послѣдовало по смерти Александра; — указомъ императора Николая, въ 1826 г., всѣ отдѣленія Библейскаго Общества закрывались, и это общество прекратило свое существованіе въ Россіи.

Е. Шیانовъ.

(Окончаніе слѣдуетъ).

¹²²⁾ Декабрь 190—194.

¹²³⁾ 96 г. т. 87; 193—199.

¹²⁴⁾ Ibid. 172.

¹²⁵⁾ „Р. Арх.“ 1868 г. стр. 946.

Юрьевскій архимандритъ Фотій.

(Окончаніе).

XI.

Мы изложили самый славный, самый блестящій періодъ жизни и дѣятельности Фотія. Остается теперь разсмотрѣть характеръ отношеній Фотія къ тѣмъ лицамъ, которыя занимали тогда высокое общественное положеніе и съ которыми Фотій находился въ близкихъ связяхъ,—къ митрополиту Филарету, къ Голицыну и къ Орловой, такъ какъ именно за отношенія къ *этимъ лицамъ* на Фотія болѣе всего обрушивалось упрековъ, и въ характерѣ *этихъ отношеній* дѣйствительно лежитъ критерій для оцѣнки нравственной личности Фотія.

Въ отношеніи Фотія къ Филарету, а особенно въ отзывахъ объ немъ Фотія, нѣкоторые видятъ черную неблагодарность, а также зависть, злобу и клевету: Фотій столь многимъ обязанный Филарету, отзываясь объ немъ въ послѣдствіи крайне непочтительно и рѣзко, обвиняетъ его въ сочувствіи мистикамъ сектантамъ и въ намѣренномъ нежеланіи какъ либо дѣйствовать противъ нихъ. „Молва прошла, говоритъ онъ, что Филаретъ словесно предъ всѣми, не стыдяся оправдывалъ сонмище зловѣрныхъ“ ¹²⁶⁾. Мало того онъ обвиняетъ даже Филарета прямо въ томъ, что онъ „письменно причислялъ себя“ къ обществу Лабзина ¹²⁷⁾; вотъ, и говорятъ, что это—низкая клевета на Филарета, вызванная завистью къ высокому положенію Филарета. Безспорно, конечно, что отзывы Фотія о Филаретѣ рѣзки и, можетъ быть, преувеличены. Но намъ кажется, что если бы Фотій относился къ Филарету какъ завистникъ и клеветникъ, то онъ долженъ бы быть всегда себѣ вѣрнымъ, и всегда относиться къ Филарету одинаково. Въ дѣйствительности же мы этого не замѣчаемъ: му уже видѣли, что Фотій отдаетъ полную справедливость уму, образованію и талантамъ Филарета и нисколько не умаляетъ ни заслугъ, ни значенія его,—и безъ всякаго сомнѣнія относится къ Филарету вполне справедливо; почему же, не завидуя

*) См. «Новгород. Епарх. Вѣд.» № 19.

¹²⁶⁾ „Р. С.“ 96 г. т. 87, 174.

¹²⁷⁾ Сентябрь 94, 216.

Филарету въ началѣ, Фотій вдругъ начинаетъ ему завидовать подѣ конецъ? Съ другой стороны исторически достоверно известно, что, по крайней мѣрѣ, съ Голицынымъ, главою мистиковъ, Филаретъ былъ очень дружествененъ ¹²⁸). Поводъ къ своему осужденію Филарета Фотій ясно указываетъ самъ, и именно въ томъ, что дѣятельность Филарета, при его умѣ и талантахъ, могла бы быть въ высшей степени благотворной и плодотворной для православной церкви и того дѣла, за которое ратовалъ Фотій; но Филаретъ „молчалъ...“ и даже, какъ говоритъ Фотій, больше того: „на Фотія и всѣхъ, явно ревнующихъ и воцѣющихъ смотрѣлъ недоброхотно“ ¹²⁹). Отсюда ясно, чѣмъ обуславливалось нерасположеніе Фотія къ Филарету. Отличаясь самъ весьма открытою прямою и искренностью, Фотій требовалъ и отъ другихъ того же самого и натолкнувшись на остроумный, дипломатическій образъ дѣйствій Филарета по отношенію къ мистикамъ, онъ, естественно, не понялъ и не могъ помириться съ нимъ, и вотъ въ результатѣ — осужденіе Филарета.

Болѣе сложнымъ и, можно сказать, болѣе запутаннымъ является вопросъ объ отношеніяхъ Фотія къ кн. Голицыну и Орловой. Какъ объяснять ихъ отношенія? Какая роль здѣсь выпала на долю Фотія? Нѣкоторые думаютъ (Карновичъ, Поповъ, Миропольскій), что знакомству съ Голицынымъ, а особенно съ Орловой, Фотій обязанъ своимъ возвышеніемъ, а слѣдовательно и всѣмъ тѣмъ значеніемъ, какое онъ пріобрѣлъ. Намъ кажется, что это не вполне справедливо. Вѣдь достоверно известно, что не Фотій искалъ знакомства съ Голицынымъ, а совершенно наоборотъ, — Голицынъ съ Фотіемъ. Что же касается до отношеній Фотія къ Орловой, то дѣйствительно Фотій не чуждъ былъ намѣренія воспользоваться общественнымъ положеніемъ Орловой въ своихъ полемическихъ противъ мистицизма видахъ: „помыслъ говорилъ ему, что можетъ быть имѣетъ сдѣлаться она орудіемъ врагу въ язву и Богу въ избранъ сосудъ, егда пріидетъ время брани за вѣру и церковь... во всемъ слуга тебѣ будетъ сія дѣвица, якоже и св. Аѳанасію служащи была нѣкогда дѣвица; многія дѣвицы именитыя, отъ царскаго дому, святымъ въ словѣ

¹²⁸) Это признаютъ: К. Поповъ („Тр. К. Д. А.“ 1875. I. 379; II, 713), Митропольскій (ор. cit. стр. 618 говоритъ, что „Филаретъ многимъ былъ обязанъ“ Голицыну); А. Пыпинъ (ор. cit. стр. 324) утверждаетъ, что „Филаретъ въ молодости былъ союзникомъ мистиковъ“; В. С. Соловьевъ („С. М. Соловьевъ“ „Вѣстн. Евр.“ 1896, т. III, 698) говоритъ: „Филаретъ шелъ необыкновенно быстро, поддерживаемый масонскою партіей, и особенно другомъ своимъ — Голицынымъ.

¹²⁹) „Р. С.“ Февраль 95; 195.

и дѣлѣ Божіемъ послужили отъ вѣка“ ¹³⁰⁾). Но, вѣдь, Орлова находилась въ близкихъ отношеніяхъ и къ митрополиту Серафиму; слѣдовательно, если бы рѣшающее значеніе принадлежало Орловой, то митрополитъ Серафимъ, кромѣ своего знакомства съ Орловой, еще какъ занимающій такой выдающійся постъ, конечно гораздо удобнѣе и легче могъ бы пріобрѣсть такое же значеніе, какое пріобрѣлъ Фотій вслѣдствіе будто бы своего знакомства съ Орловой; однако же митрополитъ такого значенія не имѣлъ. Слѣдовательно, своимъ значеніемъ Фотій обязанъ прежде всего самому себѣ. Конечно, мы не отрицаемъ, что близкія сношенія Фотія съ такими лицами, какими были Голицынъ и Орлова, много помогли Фотию, много дали ему вѣсу и прибавили значенія; но рѣшающаго значенія этому знакомству мы отдать не можемъ: своимъ значеніемъ Фотій обязанъ прежде всего самому себѣ, своимъ личнымъ качествамъ, ибо именно эти качества и обратили на него вниманіе и Орловой и Голицына, а потомъ и государя Александра I.

Камнемъ преткновенія въ отношеніяхъ Фотія къ Голицыну служить та дружба—повидимому такая сердечная, искренняя и горячая,—которая столь же внезапно окончилась, какъ и завязалась: какъ объяснить возникновеніе этой дружбы, а особенно ея разрывъ? Кто изъ „друзей“ оказался вѣроломнымъ?— Возникшія между Фотіемъ и Голицынымъ тѣсныя дружескія отношенія обыкновенно объясняютъ такъ, что одинъ кто либо изъ нихъ нуждался въ другомъ какъ въ опорѣ для себя, а потому заискивалъ предъ этимъ, не питая въ сущности къ нему никакихъ не только дружескихъ, но даже просто доброжелательныхъ чувствъ; но послѣ, когда теченіе времени и обстоятельствъ показало, что одинъ (ни въ коемъ разѣ) не можетъ служить опорой и поддержкой для другого, обманувшійся въ своихъ расчетахъ и желаніяхъ вѣроломно разрывалъ дружбу. А вопросъ, кому же именно, Фотию или Голицыну, выпадала эта незавидная въ нравственномъ отношеніи роль, обыкновенно предрѣшался личными симпатіями и антипатіями авторовъ. Г. Мировпольскій обвиняетъ Фотія, который въ нравственномъ отношеніи оказался будто бы настолько низкимъ, что „не сознавалъ даже гнусности двусмысленной роли у князя,—роли шпіона, мнимаго друга и ожесточеннаго, ехиднаго тайнаго врага“ ¹³¹⁾; К. Поповъ тоже признаетъ, что Голицынъ въ его отношеніяхъ къ Фотию былъ

¹³⁰⁾ Октябрь 94; 134.

¹³¹⁾ „Вѣсти. Евр.“ 1878 г. VI, 610.

искренче послѣдняго, и что Фотій умѣло пользовался имъ для своихъ личныхъ цѣлей ¹³²). Е. Карновичъ держится на этотъ предметъ совершенно противнаго взгляда: отзывы Голицына о Фотіи Карновичъ называетъ лестными, или лучше — льстивыми, искренности въ ихъ отношеніяхъ онъ не допускаетъ: Голицынъ потому сблизился съ Фотіемъ, что онъ, какъ „провидѣвшій ту силу, которую начинаетъ получать Фотій въ нѣкоторыхъ петербургскихъ кружкахъ, и въ особенности у Аракчеева, хотѣлъ склонить на свою сторону этого своеобразнаго монаха“, такъ что выходитъ отсюда, что Голицынъ „заискивалъ“ предъ Фотіемъ ¹³³).

Намъ кажется, заподозривать „искренность“ Фотія или Голицына въ ихъ отношеніяхъ другъ къ другу нѣтъ никакой не только надобности, но даже возможности. Читая ихъ переписку или отзывы одного изъ нихъ о другомъ въ письмахъ къ другимъ лицамъ, невольно приходишь къ тому заключенію, что ихъ отношенія были совершенно искренни, и не было въ этихъ отношеніяхъ ни ехидства, ни шіонства. Вотъ Голицынъ пишетъ Фотію: „преподобный о. Фотій, коего духъ мой возлюбилъ при первомъ воззрѣніи, и съ тѣхъ поръ истинно ни къ кому не имѣю я такого влеченія, какъ къ вамъ“. „Влеченіе, которое я почувствовалъ съ перваго дня моего съ вами знакомства, доселѣ не измѣняясь, есть такого особаго рода, котораго у меня ни съ кѣмъ до васъ не было“ ¹³⁴). „Вы сказали мнѣ при отъѣздѣ, чтобъ я, пришедъ домой, положилъ за васъ три земные поклона, что я исполнилъ, и теперь мнѣ такъ любезно сіе порученіе, что хотя вы его дали на одинъ разъ, но я утромъ и вечеромъ кладу сіи три поклона за васъ при сердечной моей молитвѣ Господу“ ¹³⁵). Вообще заподозривать искренность писемъ Голицына нельзя: тонъ ихъ вездѣ въ высшей степени правдивъ и искрененъ, отъ нихъ вѣетъ прямою и чистосердечностью, — что невольно подкупаетъ читателя въ пользу ихъ автора. Таково же точно отношеніе Голицына къ Фотію въ письмахъ его и къ другимъ лицамъ: вотъ онъ пишетъ Орловой (отъ 21 мая 1822 г.): „я недавно познакомился съ о. Фотіемъ, и жалѣю, что сего не сдѣлалъ прежде, когда онъ имѣлъ здѣсь свое пребываніе. Его разговоръ назидателенъ и имѣетъ силу, какую

¹³²) „Тр. Р. Д. А.“ 1875. П; 745, 790.

¹³³) „Р. С.“ 1875, XIII, 460—462, 467.

¹³⁴) „Р. С.“ 1882 г. т. XXXIV, стр. 206, 694.

¹³⁵) „Р. С.“ 1882 г. т. XXXIII, стр. 778.

единъ Господь можетъ дать“¹³⁶).—Въ свою очередь и Фотій отзывается о Голицынѣ въ высшей степени сочувственно, какъ о человѣкѣ правдивомъ; онъ напимѣръ пишетъ: „чаю, что въ свѣтѣ лучше не нужно, какъ служить князю: онъ другу не измѣнитъ, и врага не обидитъ, а сего въ мірѣ вовсе нигдѣ нѣтъ. *Я люблю его по сердцу* и о Христѣ... Благъ онъ человѣкъ!“¹³⁷).

И такъ, заподозривать искренность дружескихъ отношеній Фотія и Голицына, по нашему мнѣнію, вельзя. Причина же какъ возникновенія, такъ и окончанія дружбы между ними лежитъ, по нашему мнѣнію, въ характерѣ кн. Голицына, въ той своеобразной религіозности, какою отличался онъ. Дѣло въ томъ, что то религіозное настроеніе, какое овладѣло Голицынымъ подъ его старость, не было естественно-историческимъ продуктомъ постепеннаго развитія его религіознаго сознанія, а *крайность*, вызванная предыдущею, ей противоположною, крайностью. Въ малыхъ лѣтахъ Голицынъ не отличался, ни особою религіозностью, ни особою строгостью жизни; онъ самъ о себѣ пишетъ: „въ молодости первой, когда я пустился въ міръ, какъ конь необузданный, я былъ здоровъ, веселъ, любилъ міръ для своего сластолюбія, и только цѣлью имѣлъ себя, какъ бы день провести въ новыхъ утѣхахъ и сластяхъ, когда о кончинѣ своей я не помышлялъ, истинно думая, что такъ до онаго долго, что почти считалъ, что оное никогда не будетъ, хотя я всякій день видалъ и моложе меня умирающихъ; ослѣпленіе! ничто иное. Наконецъ, я началъ находить, что я счастья совершенно не нашелъ и желалъ богатства и чести. Потомъ разныя были со мною перемѣны, о которыхъ отчасти я вамъ рассказывалъ, какъ Господь меня сталъ привлекать и наконецъ сердце мое по благодати Его возлюбило“.¹³⁷).

Очевидно Голицынъ въ молодости, какъ можно судить по этой его исповѣди, провелъ жизнь шумную и бурную. Но подъ старость убѣжденія его пріобрѣли совершенно противоположный характеръ: тогда онъ совершенно не думалъ ни о Богѣ, ни о религіи, а теперь усердно занялся этими предметами, и изъ крайности богозабвенія (практическаго матеріализма) перешелъ въ крайность мистицизма и піэтизма; его религіозность была чрезвычайно напряженною, но по своей основѣ и сущности—не въ духѣ истинно-православной вѣры. Конечно, такая могучая и непреклонная въ религіозно-правственномъ отношеніи личность, какъ

¹³⁶) „Письма А. Н. Голицына къ Орловой“.—„Р. Арх.“ 1869 г. стр. 944 и слѣд.

¹³⁷) „Р. С.“ 1882 г., т. XXXIII. стр. 769.

¹³⁸) „Р. С.“ 1882; XXXIV: 215.

Фотій, невольно обратила на себя вниманіе князя, ставшаго теперь въ высшей степени набожнымъ, и увлекла князя. Съ своей стороны и Фотій естественно, не могъ противиться сближенію съ княземъ, видя искреннюю религіозность послѣдняго, его жажду духовной пищи и спасенія, и надѣясь своимъ вліяніемъ и воздействием перевоспитать и измѣнить его убѣжденія. И вотъ единство религіозной настроенности сблизило и породнило Фотія съ Голицынымъ: на первыхъ порахъ это единство скрашивало и сглаживало то различіе, какимъ отличалось мистически-шіэтистическое направленіе князя отъ строго православнаго направленія Фотія. Но конечно эта слишкомъ рѣзкая разность не могла долго оставаться скрытою: дѣлаясь мало-по-малу все болѣе и болѣе явною, она наконецъ закончилась полнымъ разрывомъ, который можно было предсказать съ самаго начала. И, намъ кажется, именно въ самомъ этомъ разрывѣ можно видѣть лучшее доказательство безкорыстія дружбы Фотія съ Голицынымъ: вѣдь если бы въ данномъ случаѣ Фотіемъ или Голицынымъ руководили какіе-либо корыстные расчеты, то безъ сомнѣнія лицо, заинтересованное въ другомъ, не допустило бы разрыва, всячески постаралось бы предупредить его, пожертвовавъ даже для этого если не вполне, то хотя отчасти, своими взглядами и убѣжденіями; но этого не было: Фотій и Голицынъ разошлись именно потому, что ни одинъ изъ нихъ не хотѣлъ поступиться своими убѣжденіями. Правда, въ данномъ случаѣ съ Голицынымъ Фотій поступилъ слишкомъ рѣзко, прямо, можно сказать—грубо; но это говоритъ лишь о томъ, что Фотій и здѣсь остался вѣренъ самому себѣ, своему рѣшительному и рѣзкому характеру.

Не мало толковъ, недоумѣній, ядовитыхъ насмѣшекъ и даже колкихъ эпитграммъ вызывали у современниковъ отношенія Фотія къ графинѣ Аннѣ Алексѣевнѣ Орловой-Чесменской. Не вполне прекратились эти толки и пересуды въ наше время.

Въ самомъ дѣлѣ, занимая выдающееся положеніе, какъ камеръ-фрейлина ихъ величествъ императрицъ—Маріи Ѳеодоровны, Елизаветы Алексѣевны и Александры Ѳеодоровны; ¹⁴⁰⁾ обладая несмѣтнымъ состояніемъ (оцѣниваемымъ въ десятки милліоновъ рублей), гр. Орлова той блестящей роли, какую готовили ей въ свѣтѣ, и своему блестящему положенію и состоянію, предпочла добровольное *послушничество* юрьевскому архимандриту Фотію,

¹⁴⁰⁾ Н. Елагинъ „Жизнь гр. Орловой“, стр. 93.

всецѣло подчинилась его волѣ, его руководству, мнѣніямъ и распоряженіямъ; такъ что нѣкоторые изслѣдователи отношенія Фотія къ Орловой „представляли полнымъ порабощеніемъ послѣдней“ и Орлова „стала по ихъ мнѣнію, въ рукахъ Фотія покорнымъ орудіемъ фанатизма и разныхъ происковъ“. ¹⁴¹⁾ Другіе эти отношенія считали прелестью вражіей; такъ напр. сама Орлова писала Фотію (отъ 21 ноябля 1827 г.): „можетъ быть, ты знаешь сію новость, что твое вѣрное чадо, по мнѣнію митрополита, находится въ прелести оттого, что тебя люблю всею душою и всѣмъ сердцемъ. Ахъ, Боже мой!... Признаюсь, что они всѣ одинъ какъ другой!“ ¹⁴²⁾ Третьи, наконецъ, эти отношенія считали демонскимъ навожденіемъ; въ этомъ отношеніи замѣчательно одно, современное этимъ событіямъ письмо (писано въ январѣ 1826 г.), написанное якобы „бывшими крестьянами“ Орловой. Это письмо настолько типично въ этомъ отношеніи, что считаемъ нужнымъ привести изъ него слѣдующія выписки: „Мы рабы твои, рабы бывшіе, а теперь стали свободные, по твоей ли волѣ, иль по видамъ твоего обладателя, очаровавшаго тебя до изступленія.... Ахъ, больно сердцу рабскому, сердцу рабскому, но усердному, что ты впала, наша мать, въ руки волка хищнаго; волка хищнаго, но неумнаго. Онъ проводитъ у тебя дни и ночи, вопреки правилъ св. отецъ, ко всеобщему православныхъ соблазну... Ты унизила себя предъ нимъ до самой низкой подлости; ¹⁴³⁾ ты готова для него всѣмъ на свѣтѣ жертвовать, а онъ, видя твое изступленіе, обираетъ тебя, ничѣмъ не щадя, и ограбитъ тебя до ниточки, раззоритъ тебя... ** Ты, бывъ опоена опіемъ, спишь спячкою глубокою, а пробудить тебя некому... Ты опомнись, опомнись, наша добрая мать. уврачуй себя отъ демонскаго навожденія животворящимъ крестомъ... Мы знаемъ, что ты имѣешь еще сердце доброе, но умъ очарованный.... Итакъ опомнись наша мать и образумься, и прибѣгни къ общей нашей Помощницѣ, Божіей Матери... И уклоняйся отъ учителей, не умѣющихъ себя поучить, но другихъ поучающихъ“. ¹⁴⁴⁾

¹⁴¹⁾ Митрополъск. указан. соч. 592; 588.

¹⁴²⁾ „Р. С.“ 96 г. т. 87; стр. 534.

¹⁴³⁾ Т. е. рабства.

**) Примѣч. Надо имѣть въ виду, что это письмо анонимнаго характера, а рѣзкія и крайнія выраженія въ анонимныхъ письмахъ настолько обычны, что и въ наше болѣе образованное время не въ рѣдкость; а потому они и не могутъ компрометировать лицъ, которыхъ касаются (ред.).

¹⁴⁴⁾ Ibid. 527—529. Относительно этого письма мы сказали, что писано оно „якобы бывшими крестьянами“, такъ какъ мы не можемъ согласиться съ мыслью, будто это

Первое свиданіе Орловой съ Фотіемъ, какъ говорили мы выше, произошло 27 апр. 1820 г., когда Фотій произнесъ въ Казанскомъ соборѣ свою знаменитую проповѣдь противъ мистиковъ. По возвращеніи домой Фотій нашелъ въ своей келіи „плоды многіе, дары многіе, многія книги и писаніе“ отъ Орловой; въ письмѣ она приглашала его къ себѣ на домъ; но за болѣзнью Фотій не могъ пріѣхать. Видѣлись они лично въ первый разъ 2 мая, когда Фотій посѣтилъ Орлову.¹⁴⁵⁾ Но Орлова уже давно, два года, искала личнаго знакомства съ Фотіемъ. Фотій ей былъ рекомендованъ въ качествѣ наставника въ духовной жизни первоначально Иннокентіемъ, когда онъ отправляясь на свою кафедру въ Пензу, остановился въ Москвѣ въ домѣ Орловой. Совѣтъ Иннокентія подтвердилъ и митрополитъ Серафимъ.¹⁴⁶⁾ Избравъ Фотія своимъ духовникомъ, ставъ его духовной дочерью, Орлова всецѣло вручила его волѣ и себя и все свое состояніе; такъ по совѣту Фотія Орлова рѣшительно отвергла мысль о бракѣ, хотя ея руки искали даже принцы;¹⁴⁷⁾ между Фотіемъ и Орловой не было никакой тайны: „у насъ съ чадомъ—писалъ Фотій—нѣтъ тайны: у насъ одинъ духъ и едино сердце о Христѣ: что я прикажу, она хранитъ, и что она прикажетъ, я храню“. ¹⁴⁸⁾

письмо есть дѣйствительно письмо крестьянъ „рабовъ бывшихъ“. Чтобы убѣдиться въ этомъ, довольно его прочесть: оно обличаетъ въ составителѣ не только знатока св. писанія (Вет. и Нов. завѣта), но—что гораздо важнѣе—авторъ пользуется своимъ знаніемъ замѣчательно умѣло и толково. Далеко не крестьянскій умъ автора видѣнъ въ томъ, что онъ прекрасно различаетъ понятія „истинной христіанки и пустосвятки“, т. е. различаетъ истинное христіанство и фарисейство. Далѣе, автору предносился идеалъ истиннаго монаха „истиннаго свя(ѣ)тильника, истиннаго подвижника“, каковымъ является преподобный Сергій, и съ точки зрѣнія этого идеала современные ему монахи (намекъ на Фотія) являлись лишь „празднолюбцами и тунеядцами“. Безъ всякаго сомнѣнія уму „бывшихъ рабовъ“ нельзя приписать то тонкое различіе и ту игру словъ и понятій, что представляетъ собою фраза: „ты обожаешь его, не какъ въ Богъ человека, но какъ въ человекѣ страстию Бога“. Наконецъ и самый языкъ, стиль письма не можетъ говорить за крестьянское происхожденіе письма: языкъ этотъ въ литературномъ отношеніи можно назвать почти безгрѣшнымъ, это языкъ точный, ясный, правильный, а по мѣстамъ прямо художественный и положительно стихотворный.—Намъ приходилось читать дѣйствительныя произведенія „рабовъ бывшихъ;“ и эти столь не хитрыя произведенія какъ наприм. общественные приговоры, постановленія, врядъ ли и чрезъ семьдесятъ лѣтъ достигнуть того совершенства даже въ стилистическомъ отношеніи, какое замѣтно въ этомъ письмѣ, написанномъ семьдесятъ лѣтъ тому назадъ.—Наше мнѣніе объ этомъ „письмѣ крестьянъ“ таково, что оно написано лишь отъ лица крестьянъ, но отнюдь не ими.

¹⁴⁵⁾ „Р. С.“ Октябрь 94; 130—133.

¹⁴⁶⁾ Н. Елагинъ, Ор. ст. стр. 28—29.

¹⁴⁷⁾ „Р. С.“ Февраль 1895 г. 200—201.

¹⁴⁸⁾ „Р. С.“ 1882 г. т. XXXV; 290,

Орлова, какъ видно изъ ея писемъ Фотію, было такъ всецѣло и безусловно предана ему, что вѣрила въ него, почти какъ въ Бога, считала его не только святымъ, но прямо безгрѣшнымъ; все относящееся къ Фотію не такъ, по мнѣнію ея, не понимаютъ его, не цѣнятъ, а потому и не заслуживаютъ отъ Орловой добраго слова. „Повергаюсь къ твоимъ пречистымъ ногамъ, лобызаю ихъ со всякою любовью, равно и святые твои руки“. „Ты себѣ представить не можешь, какъ они (разумѣются митр. Серафимъ и его секретарь) мнѣ все досажны... Гдѣ правды теперь искать? только у Господа нашего многомилостиваго, а у людей ея нѣтъ болѣе“, — такъ писала Орлова по случаю неблагопріятнаго отзыва Серафима о Фотіи. „Охъ, какъ я рада, что ты здоровъ, родитель мой святѣйшій; только мнѣ и нужно знать. Богъ съ ними со всеми, лишь бы ты былъ только миренъ и радостенъ у меня“. ¹⁴⁹⁾

Всякаго рода двусмысленныя замѣчанія касательно отношеній Фотія и Орловой мы считаемъ совершенно безосновательными, безпочвенными, не имѣющими рѣшительно ни какой даже самой малѣйшей доли вѣроятности и правдоподобія. Противъ такихъ замѣчаній приведемъ слова Е. Карновича: „письма Фотія исполнены строгаго аскетизма и они устраняютъ, какъ мы думаемъ, всякое предположеніе о грѣшныхъ его отношеніяхъ къ Орловой... Трудно, даже невозможно допустить, чтобъ между ними была любовная связь подъ покровомъ лжи и лицемерія“. ¹⁵⁰⁾ И такъ, даже съ той точки зрѣнія, на которой стоитъ Карновичъ, мысль о любовной связи Фотія и Орловой является не допустимой; но намъ кажется, что даже подозрѣвать ее было бы предосудительно; и время, и люди, надѣемся, установятъ вполнѣ вѣренъ своему характеру, — въ этой борьбѣ отразились существенныя черты его характера — прямота, рѣзкость и откровенность. Но эти черты,

ХП.

Мы описали борьбу Фотія съ современнымъ ему мистицизмомъ и тѣ средства, какія онъ при этомъ позволялъ себѣ. По нашему мнѣнію, борьбу эту Фотій велъ, оставаясь вполнѣ вѣренъ своему характеру, — въ этой борьбѣ отразились существенныя черты его характера — прямота, рѣзкость и откровенность. Но эти черты,

¹⁴⁹⁾ „Р. С.“ 96 г. т. 87, 534; 535.

¹⁵⁰⁾ „Р. С.“ 1875. XIII; 327.

не смягчаемая симпатіей и участливымъ сердечнымъ отношеніемъ къ людямъ, слишкомъ обострились у Фотія; его страстный характеръ увлекалъ его по этому пути гораздо дальше, чѣмъ бы слѣдовало, такъ что онъ, такъ страстно преслѣдуя правое дѣло, иногда становился положительно несправедливымъ въ своихъ отзывахъ, поступкахъ и требованіяхъ: *summum jus* Фотія иногда обращалось въ *summa injuria*.—Справедливо негодуя на Филарета за его бездѣятельность по отношенію къ мистицизму и двусмысленную роль по отношенію къ мистикамъ, Фотій такъ увлекся, что становится по отношенію къ Филарету совершенно несправедливымъ, когда наприм. возстаетъ противъ его „Катихизиса“, или дозволяетъ себѣ привести нелѣпый слухъ, будто онъ не боялся сердцемъ хулить Пресвятую Дѣву Богородицу¹⁵¹⁾. Справедливо вооружаясь противъ мистическихъ обществъ и сектъ и ихъ политическихъ стремленій, Фотій и на этой дорогѣ заходилъ дальше, чѣмъ слѣдовало, и не вполне справедливо вооружался противъ Библейскаго Общества и совершенно несправедливо противъ русскаго перевода Библии, подозрѣвая, безосновательно, что подъ видомъ перевода на русскій языкъ мистики якобы прямо искажали священный текстъ въ своихъ видахъ¹⁵²⁾. Фотій дѣлаетъ нѣсколько упрековъ Филарету за его содѣйствіе и сочувствіе русскому переводу Библии; по этой же самой причинѣ онъ дѣлаетъ несправедливый отзывъ объ извѣстномъ почтеннѣйшемъ алтайскомъ миссіонерѣ, архим. Макаріи (Глухаревѣ),¹⁵³⁾ личность и дѣятельность котораго въ высшей степени симпатичны. Несомнѣнно также, что Фотій преувеличивалъ и самыя политическія тенденціи мистическихъ обществъ, видѣлъ въ нихъ гораздо больше, чѣмъ было въ дѣйствительности.

Исключительнымъ положеніемъ Фотія какъ перваго и нѣкоторое время единственнаго борца за православіе,—что конечно прежде всего сознавалъ самъ Фотій,—объясняется и та черта въ характерѣ Фотія, которая не совсѣмъ прилична была ему, какъ монаху: Фотій не отличался особымъ смиреніемъ; смиреніе даже вовсе не было въ его характерѣ. Сознавая свое исключительное положеніе, какъ единственнаго борца за православіе и зная свою строго аскетическую жизнь, Фотій какъ бы невольно выдѣлилъ

¹⁵¹⁾ 1896. 87. 174. Словесно многимъ рассказывалъ, что-де Пресвятая Богородица имѣла дѣтей и будто бы есть мнѣніе отцевъ нѣкоторыхъ.

¹⁵²⁾ Ноябрь 95; 220, 221.

¹⁵³⁾ Февраль 95, 197.

самъ себя изъ среды всѣхъ людей, поставилъ себя въ исключительное положеніе, чуждался и не признавалъ надъ собою никакого авторитета, ибо никого не признавалъ достойнымъ, по строгости жизни и убѣжденій, стать такимъ авторитетомъ, и по отношенію къ тѣмъ, кто не вполне благопріятно высказывался о немъ, а тѣмъ болѣе оказалъ когда либо сопротивленіе въ дѣйствіяхъ, онъ былъ крайне строгъ и суровъ и не только въ своихъ сужденіяхъ и отзывахъ, но и въ поступкахъ. Въ этомъ отношеніи достойно примѣчанія слѣдующее его письмо къ Орловой: „митрополитъ и его чины и монашествующіе ѣдятъ весь Великій постъ рыбу и елей и вино, и все употребляютъ безъ разбору постное запрещенное: а они монахи... Вотъ тебѣ, Фотіе, плата ¹⁵⁴⁾ за то, что не будь святъ, не живи свято, не давай святая другимъ, не дѣлай святыми: міръ бо любитъ свое. Видно ты не отъ міра сего и дѣла наши не таковы, что ненавидитъ насъ міръ. Я не смотрю ни на что, дѣлаю дѣло свое свято предъ Богомъ и не боюсь суда человеческого. Судія есть мнѣ Господь и моя совѣсть... ¹⁵⁵⁾“.

Таковъ былъ характеръ Фотія, характеръ въ высшей степени опредѣленный и рѣшительный, хорошія качества котораго выступали съ такою силою и рѣзкостью, что незамѣтно для самого Фотія переходили въ односторонность, граничили съ противоположностью, съ дурными качествами: такъ дерзновеніе, смѣлость Фотія граничила съ дерзостью; прямота—съ грубостью и непочтительностью; справедливость—съ строгостью; постоянство—съ упорствомъ; вѣра въ себя и въ свое дѣло—съ самоувѣренностью и самомяніемъ; ревность къ православію—съ нетерпимостью; слабость другихъ вызывала у него обличеніе въ отступничествѣ и измѣнѣ своему долгу; его духовное руководство граничило съ деспотизмомъ, а наказаніе—съ жестокостью.

Однако же къ чести Фотія надо сказать, что никогда и ни въ чемъ онъ не искалъ личныхъ выгодъ, не преслѣдовалъ личныхъ интересовъ: онъ рубилъ правду сразмаху и сплеча, не смотря ни на что и не заботясь ни о чемъ. Въ своихъ обличеніяхъ онъ не щадилъ ни сословія, ни положенія, ни знатности. Но въ особенности безспорною и несомнѣнною заслугою Фотія навсегда останется его борьба съ мистицизмомъ,—то обстоятельство, что изъ среды всего духовенства осмѣлился онъ одинъ выступить

¹⁵⁴⁾ Фотій имѣетъ въ виду неблагопріятный отзывъ, сдѣланный о немъ митроп. Серафимомъ.

¹⁵⁵⁾ Ibid. 538—539.

на борьбу съ мистицизмомъ въ то время и при такихъ обстоятельствахъ, когда люди болѣе сильные, съ большимъ вліяніемъ и на высшихъ постахъ молчали и бездѣйствовали. И въ эту борьбу онъ вступилъ безстрашно и повелъ ее съ такою энергіею, что одолѣлъ всѣхъ. Это — такая заслуга, которая касается всей Россіи и никогда не забудется отечественною исторіею.

ХІІІ.

Со смертію Александра І для Фотія прекратилось то выдающееся положеніе и та общественная роль, какія Фотій занималъ въ послѣдніе годы жизни почившаго государя. Новый государь Николай І по своему характеру представлялъ, можно сказать, противоположность почившему. Новому государю были совершенно чужды всякія колебанія и шатанія не только въ убѣжденіяхъ, но и въ дѣятельности; съ опредѣленно сложившимся душевнымъ складомъ, непреклонный по своему характеру и мощный по своей волѣ, Николай совершенно не нуждался ни въ какихъ руководителяхъ, совѣтникахъ и помощникахъ. Подъ его твердымъ управленіемъ прекратилось шатаніе въ русскомъ обществѣ. Такимъ образомъ роль общественнаго дѣятеля, какую занималъ Фотій при Александрѣ І, прекратилась сама собою. Фотій удалился въ свой Юрьевскій монастырь, гдѣ и провелъ остатокъ своей жизни въ своихъ строгихъ аскетико-монашескихъ трудахъ и подвигахъ. — Умеръ Фотій 26 февраля 1836 года. О смерти Фотія на мѣстѣ его родины сохранился такой разсказъ: у одра умирающаго дежурили гр. Орлова и генеральша Веригина. Замѣтивъ ихъ, Фотій „спросилъ, что имъ здѣсь нужно? — „Мы хотимъ дождаться вашего послѣдняго часа“. — „Не дождаться вамъ его“, и затѣмъ, помолчавъ немного, прибавилъ: „я умру тогда, когда въ колоколъ мѣдъ впустятъ“. На той же недѣлѣ съ субботы на воскресенье въ полночь монахи, изготовлявшіе новый колоколъ, впустили растопленную мѣдъ ровно въ 12 ч. ночи; и въ тотъ же мигъ раздался протяжный унылый звонъ самаго большого монастырскаго колокола. Братія тотчасъ же поняла, что ихъ настоятель Фотій отдалъ душу Богу. Когда хотѣли снять съ тѣла почившаго вериги, то это оказалось невозможнымъ, потому что онъ какъ бы, вросли въ его тѣло. Двѣ недѣли тѣло Фотія не предавалось погребенію,¹⁵⁶⁾ такъ какъ архіерей былъ въ отъѣздѣ и окру-

¹⁵⁶⁾ Не вполне точно: 9 дней; онъ былъ погребенъ 6 марта, см. Карновича („Р. С.“ 1875. ХІІІ. 485).

жающіе гробъ почившаго дожидались прибытія владыки. Во все это время тѣло Фотія не издало никакого запаха. По пріѣздѣ архіерея Фотій былъ погребенъ съ подобающей торжественностью. Его три раза обносили — вокругъ монастыря, останавливаясь у каждой стороны свѣта для совершенія литіи“. ¹⁵⁷⁾ По смерти Фотія гр. Орлова на имя новаго настоятеля Мануила препроводила 26.300 р. съ тѣмъ условіемъ, чтобъ на проценты съ этого капитала (4.800 р. ежегодно) „литургія была ежедневно совершаема въ храмъ Похвалы Богородицы о упокоеніи души въ Бозѣ почивающаго о. Фотія, и годичное чтеніе псалмовъ при его гробѣ“ ¹⁵⁸⁾. Впослѣдствіи рядомъ съ нимъ погребена была и сама графиня Орлова, по собственному ея завѣщанію, сдѣланному съ согласія и совѣта Фотія.

Е. Шیانовъ.

II) Статьи и сообщенія.

Курское злодѣяніе и интеллигентные сектанты.

Журналъ „Миссіонерское Обозрѣніе“ издалъ отдѣльною брошюрой статью извѣстнаго сектантовѣда В. Скворцова, посвященную Курскому покушенію на св. икону Божіей Матери. Авторъ не обинуясь называетъ это преступленіе иконоборческимъ. „По нашему крайнему убѣжденію, о Курскомъ взрывѣ мало сказать, что онъ совершенъ изъ политическихъ только цѣлей; тутъ мотивъ болѣе сложный. Мы не сомнѣваемся, что преступленіе задумано, созрѣло и подготовлено именно на почвѣ религіозно-политической, въ нѣдрахъ новѣйшаго сектанства, въ крайней его фракціи, которая, вотъ уже 10—15 лѣтъ, какъ образовалась изъ союза извѣрившихся интеллигентовъ съ народными отщепенцами отъ Церкви. Сущность и ближайшія задачи ученія этой секты заключаются въ распространеніи въ народѣ, такъ называемыхъ,

¹⁵⁷⁾ „Свѣдѣнія о Фотіѣ, собранныя на мѣстѣ его рожденія“ И Можайскаго. («Историческ. Вѣстникъ» 1888 г. т. XXXIII, стр. 151).

¹⁵⁸⁾ Н. Елагинъ *op. cit.* 124.